

XX 101
T

1
О. С. С. П.
И. М. ЖИЖИКИ

ЦЕНА 10 КОП.

17

1929

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ученица фабзавуча гранильной и резной мастерской Академии Художеств.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Юджин Лайонс Ивэнс и смерть Сакко и Ванцетти — пер. с английского Г. Бузука, предисловие П. Дюпона, изд. «Земля и фабрика», 229 стр., ц. 1 р. 25 к.

23 августа исполнилось двухлетие с того дня, когда впервые классовой кризисоведо американского капитализма истеролог двух итальянских рабочих—Николао Сакко и Бартоломео Ванцетти. Гул элктрического грома, устремленного в пенные массы, охватывающее грохочущее во всех закоулках земного шара.

Но грехом Сакко и Ванцетти не оказалась напрасной. Американская буржуазия, дерзко претендующая на сан образной демократии, словно решила придать заголовку ей судебному процессу ошито-повязательный характер. С призрачностью и откровенностью, ошеломившими даже тех, кто всегда стоял на занятиях капиталистической консервации, американское судопроводство при-

дало всему делу отчетливый облик классовой расправы. Не о судебной ошибке шла речь. В деле Сакко и Ванцетти лицом и личу друг против друга стояли непримиримые, несомненные классовые враги.

В последние часы перед соением два протестанты, даже в эти минуты не утратившие своей нестойкой боевой выды, обратились с последними неувиданными словами ко всем друзьям и товарищам:

... «Будьте единоклупны. Умрут, ведь, только двое из нас. Наш идеал и вы, наши товарищи, будете жить. Мы победим; мы не победим. Сохраните и исполняйте нашиorderungen, наше горе, наши оробения, наши страдания и наши муки для будущих боюв и для великого освобождения трудящихся».

Высудан безжалостный смертный приговор себе, и Сакко и Ванцетти восстали против. — Последнее слово за нами! Эта агония—наш триумф!

Сакко и Ванцетти не были коммунистами. Но многим их идеология была еще в плену у замечательной радикальности анархического буржуарства. По руковидные отравным классам самосознанием, они вышли в течение семи лет своих тюремных заточений на столбовую дорожку подлинной революционной непримиримости.

Книгу Лайонса о пытках и славной гибели двух вонюв протестантских архий должно отнести к классу. Она отнюдь не лишена значительных недостатков, в ней нет нужной откровенности в поназе двух вражующих лагерей. Но она основана на подлинных, тщательно собранных фактах, а в истории Сакко и Ванцетти факты сами выступают в привычный ряд верных выводов. Книга Лайонса читается с благодарным вниманием и подлинной страстностью—она оставляет в сознании незададимый след. Ее надобно прочесть, и, прочитав, сказать не все сохранит благодарную, гневную память о двух великодушных ридовых протестантах, распятыхми зверскими бофотрами капиталистического правосудия.

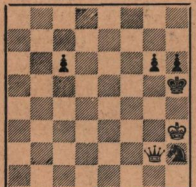
И. Чепляк

ШАХМАТЫ

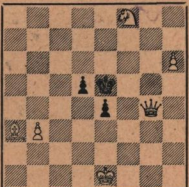
Под редакцией С. М. СПОНИМА

ЗАДАЧА №
В. КАЛИНА

ЗАДАЧА №
Л. ВАЙНТРУБ

Белые: Кр h3, Фг2 (6)
Черные: Кр h5, Кf4, Пс6, Фf6, h6 (5)
Мат в 2 хода.

Белые: Крf1, Фг4, Са3, Кf8, Пb6
и h3 (6)
Черные: Крe5, Пd5 и h4 (3)
Мат в 2 хода.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРНИР В НАРБАСДЕ.

Заключившийся недавно Нарбасдецкий турнир был выдающимся шахматным событием со всех точек зрения; и вследствие исключительного классного состава участников (12 гроссмейстеров) и вследствие выдающегося спортивного интереса составили. Первой сенсацией турнира явилось то, что во главе турнира в первой половине его оказались не Капабланка и не Боголюбов, а скромный Шпильман, выигравший турнир, Шпильман оторвался на 6 очков, однако, уже в середине турнира его догонил Капабланка, и казалось, что кубину уже несомненно 1 приз. Но в последние туры оказались новые неопознанные: Немцович—выигравший у Шпильмана, а последний, в свою очередь, в блестящем стиле выигравший у Капабланки. И снова перед последним туром во главе турнира ука-

зы Капабланка, а Шпильман и Немцович сближаются, и Немцовичу нужно играть с гроссмейстером Тартаквером, а Шпильману только с Миттинсоном, и все же Немцович выигрывает у Тартаквера, а Шпильман делает только ничью с Миттинсоном.

Таким образом, первый приз завоевал Немцович (+15 из 21), второй и третий (+14, 14, 14) разделили Капабланка и Шпильман, а четвертый получил Рубинштейн. Большой успех оказался у Боголюбова, завоевавшего только восьмое место. Но, очевидно, Боголюбов просто набегал наприимчивый перед матчем с Александриним.

Женская чемпионка Вера Мечник, как и следовало ожидать, уверенно заняла первое место... с юности. Единственным выигравшим в этом турнире оказался Ейде и Землин, проигравшие ей свои партии. Приводим партийно победитель турнира.

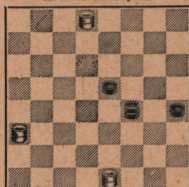
ШАШКИ

Под редакцией В. В. МЕДНОВА

3-й конкурс решений задач и этюдов

Этюд № 14

Л. Н. ДЕНЕНБУРГ (Пруссия)
Печатаются впервые

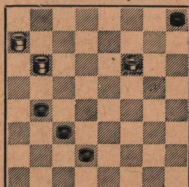

Белые: Д а3, d8, е1 (3)
Черные: Д f4, пр е5, h4 (3)
Белые начинают и выигрывают.

Этюд № 15

М. МЕЛЬНИЦ (Харьков)

Печатаются впервые

Белые: Д а7, b6; пр f6 (3)
Черные: пр b4, c3, d2, h8 (4)
Белые начинают и выигрывают.

ПАРТИЯ № 4

7-я партия матча.
Играна в Самаре 6 июля с. г.
Е. Н. Матвеев. П. В. Холло.

(Белые) (Черные)
1. c3 — d4 h5 — a5
2. d4 — c5 d6 — a4
3. a3 — c5 f6 — g5
4. c3 — f4 g5 — h4
5. e3 d4 c7 — h6
6. f2 — c3 f7 — f6
7. e1 — f2
Ход союзнического достоинства. Лучнее было 7. g1 — f2, и белым имели бы хорошую игру.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
34.
35.
36.
37.
38.
39.
40.
41.
42.
43.
44.
45.
46.
47.
48.
49.
50.
51.
52.
53.
54.
55.
56.
57.
58.
59.
60.
61.
62.
63.
64.
65.
66.
67.
68.
69.
70.
71.
72.
73.
74.
75.
76.
77.
78.
79.
80.
81.
82.
83.
84.
85.
86.
87.
88.
89.
90.
91.
92.
93.
94.
95.
96.
97.
98.
99.
100.

Решение задач и этюдов 2-го конкурса

«Смена» № 4 за 1929 г.

Этюд № 3 Борн Бланкера (Бел.: Д d6, h4; пр с7. Черн.: пр d2, d4, h6. Выигрыш.)
1. c7—b5, d2—a1 (если 1. . . . b2—c1 или d4—e3, то 2. d6—f4; 3. b5—a5 и выигрыш);
2. h4—f6, d4—e3 (если 2. . . . a1—e3; то 3. d6—e5 и выигрыш); 3. f6—e3; 4. b8—c1 и выигрыш.
Интересный этюд (ст. А. Р.).

Этюд № 4 М. В. Маллера (Бел.: Д f1, с3, e5. Черн.: Д с7, пр b8, d8, f4. Выигрыш.)
1. с3—a5, f4—e3 (если 1. . . . c7—e5, то 2. c3—d6; 3. a3—e7; 4. a5c1 и выигрыш); 2. с3—d1; c7—e5; 3. a3—d8; 4. g1—h2 и выигрыш.

Любопытный случай ловли черной дамки благодатный черным же простом (см. этюд № 95 в нитке И. Кукуева «100 наш. этюдов») или этюд А. С. Годуна (64а, № 19—1926 г.); Бел.: Д d8, пр b6, e5, e7; Черн.: Д a7, пр a3, с1; e7—f8, f7—b7; 2. b6—c7; b3—d4; 3. d8—a5 и черн. дамка не может достигнуть из-за своих протехт. Побойная тема очень эффектная. Встречалась еще в этюде Л. Юридического, вальч. в «Гуде» № 1927 г. и в других этюдах (ст. А. Рубинштейн).

К сожалению этюд имеет побочное решение: 1. с5—f2, паддедню только Л. Шпильманом (Киев) и Юрием Шмидт (Харьков).

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ

«СМЕНА»

Редакция: Москва, Центр, Новая пл.зд., д. 6, тел. 1-81-01.
Контраг Москва, Центр, В. Чернышевский пер., д. 6,
тел. 5-67-08.

№ 17 Сентябрь 1929 год
ПОДПИСКА: «Смена» 1 год — 3 р., 6 мес. — 1 р. 5 к., 3 мес. — 85 к. «Смена» в подарок. Подр.: «На ступи и на море»:
1 год — 3 р. 45 к., 6 мес. — 1 р. 80 к., 3 мес. — 95 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Г. Фш. А. Новикова. С. Петров—стихи. М. Снежин—Высокая (повесть). В. Гостях у гигантов (очерки). С. Глазев—Социалистический десант. В. Шаховский—Госбылин, «Гиганты». М. Лаватин—За морем теснуна похулила, да рубль переюла. А. Бавляев—Устойчиво и работа автомобиля. А. Волоскинский—«Милосеиц» на Мостине-реке (теори). М. Новиков—Стелга в тайге (очерк). И. Красаватский—Кто-тоусе выпалает очерк). П. Кетков—Круговой знания (рассказ).
ШАХМАТЫ. ШАШКИ. СТИХОТВОРЧЕСТВО. ПОПРБОУ И ТЫ.

ПО КАМЕ

Здравствуй, утро—в ветер [руками
Я приветствую твой восход!
По широкой, по дикой Каме
Пароход почтовый идет.

Капитан на мостике в белом,
Занят он неотложным делом.

В трюм груза крупчатку мешками
Бакален отловый счет,
По торговой реке, по Каме
Пробирается пароход.

О китайском спорном вопросе
На корме гуторят матросы.

Из Казани—блестят глазами,
Каждый шаг их звенит и поет—
Первокурсник по дикой Каме
По домам везет пароход.

Все зачеты у них в кармане,
Машут мельницы им в прощанье.

Третий класс—пурачки—и даме
Туз грозит, но козырь берет.—
По широкой по пенной Каме
Вверх идет, гудя, пароход.

Предсказанья бормочет малко
На мешках олепая гадалка.

Класс второй—преферанс в программе;
Первый мечет, не отстает.
И гитарой гремит по Каме
По излучинам пароход.

Вот, взметнулась и снова таит
Пролетающих чаек стая.

Но за пристанью, берегами
Табуны башкир бегежат.—
По татарской реке, по Каме
Нас в Уфу везет пароход.

Пережат обходя по плеску,
Водопадами бьют колеса.

Вот и вечер—в ветер руками—
Ночь—встречаю я твой приход.
По заросшей лесами Каме
Пароход не спеша плывет.

И вспетые песни свои
Залепают в ночи соловьи.

Егорят с лодки—и за словами
Грусть сердечную узнаю.—
Пароход по широкой Каме
Нынче песню везет мою.

То любовь, и о ней не мало
Писем ты с пути получила.

ЗАВОЕВАТЕЛИ

Сегодня ветер за окном—
Играл всю ночь на контрабасе,
Гремел железом на террасе,
Мяукал бешеным котом.

И утром—
В разъяренный сад,
Где ключья разноцветной шали
Аллеи плотно устланы,
Я вышел—
Сверить листопад—
С далеким детским впечатлением
От лисьей шубы на дубах,
От синих пропелесков в ветвях
И желтого успокоенья.

Но осень в нынешнем году
Не пряталась в глухих аллеях,
Узорных платьев не жалела,
Плывала яблоня в саду.
За покосившимся овном
Махала рукавом рябина.

Казалось мне:
Горят костры,
Шумит цыганское кочевье...

Я видел пестрые деревья,
Я видел пестрые шатры.

Дорога, как тысячи наших дорог,
Пыльна, горяча. Давно,
Покинув поселка булыжный порог,
А с ним и покой заодно,

Мы мерим веснушчатые поля
Скрипучим, сухим колесом.
Струится и брызжет на нас земля
Гречихой и жирным овсом.

Нам в спину попутного ветра волна,
А с ним и покой заодно,
Над нами серебряная струна
Невидимых птиц поет.

Покинув поселка булыжный порог,
А с ним и покой заодно,
Я пыльным узором Смоленских дорог
Вручаю измятый блокнот.

Товарищ с упрямым, калмыцким лицом
И злыми дробинками слов
Снявшего нивелира кольцо
Собой заменит готов.

Другой—крутошекий, крутой, как медь—
ведь,

Сквозь зубы поет: «Вперед—
На баррикады—и хочет смотреть,
Не щуря глаза, на восход.

Они агрономы, а я их бард,
Их спутник прилежный всегда,
Сменивший поэзию душных мансард
На сочные песни труда.

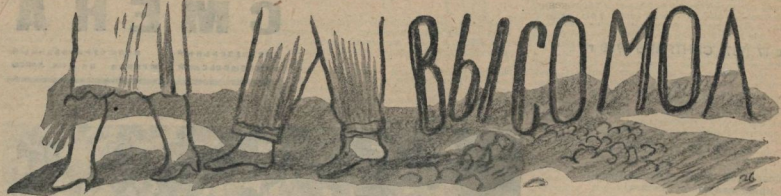
Пусть муза рылает от тяжких обид,
Запятавшись в книжком шкафу,
Хозяином властно вошел фосфорит
В лирическую строфу.

Нам в спину попутного ветра волна,
В глаза нам—иольский восход,
И с нами тучноосая страна
Под марш урочная идет.

Геннадий Фиш

Александр Коваленко

Сергей Петров

Повесть М. СНЕЖИНА

ЕЩЕ на столбе, стоя на скрещенных когтях перед белыми голубыми изоляторами, посаженными на кронштейне, Павел почувствовал неясную тревогу.

— Падаю?..

Инстинктивно он старался отыскать реальные причины, вызвавшие это ощущение тревоги. Но по бокам, над головой и под ногами пела густая и плотная сетка проводов, один вид которой действовал успокаивающе и опровергал даже мимолетную мысль о возможности падения. Когти четыре пары зубьев жмал накрест кривые челюсти, мертвой хваткой вцепились в тело столба. Широкий пояс, словно кожаная спинка своего домашнего кресла, подпиривал мягко и надежно и, в свою очередь, был опоясан тонкой железной цепью, охватившей столб и среднюю траверсу кронштейна.

Но тревога была. Это отчетливое ощущение не могло быть беспричинным.

— Нет, не падаю. Не то, — твердо заключил Павел, не чувствуя все же успокоения. — Но тогда что же? — доискивался он. — Работа не клеится.

Павел посмотрел на голубиные головки изоляторов, проследил глазами провода, только что натянутые и уже слышавшие свои голоса в аэриальном хор кронштейна. Ошибок не было, как не должно было быть ошибок в каждой ответственной работе. Ошибок не было, ибо, если бы Павел допускал их в такой работе, как натяжка новой моторной линии, его не так легко перевели бы из подручных в электрики. Ошибок не было, наконец, потому, что он только сейчас появлял последний из трех проводов, ушедших через крышу машинного здания к механическому цеху, — уже мчался по ним невидимые три фазы переменного тока, и было слышно, как их прыбистые бросило в кроль только-что установленный мотор.

Столб едва заметно раскачивался — от этого менялась настройка проводов; хорошо было видно плоскую крышу формовочного цеха с накатными постройками, которые заставляли говорить о себе весь завод, внизу стоял привычный гул и, не будь тревоги, Павел никогда не вздрогнул бы, стоя на столбе, как вздрогнул сейчас на окрик снизу. Закинул назад голову и приложил ко рту руки, с земли кричал Шеглов:

— Что ты там кукарекаешь? Слезай, сейчас шабаш. Мотор у меня пошел охотно, как прогулочный за волкой.

Павел посмотрел вниз. Со столба Шеглов в его зеленом плаще, слегка испятнанном маслом, безоговорочно выглядел яркой весенней лягушкой, смешило оптозаверие от столба. И это очертание натолкнуло Павла на корни его тревоги.

... Утром Хаток, с обычной своей запорожской улыбкой, ударил по плечу Бориса Шеглова.

— Закрутился Павло со своей крышей, а личинку прогавил. Аде-ж, Борис, как только одуржился, спаси личинку от телефону. Телефонистки — пропавшие жинки, будто током задерганы.

Может быть, Павел промолчал бы, он даже наверное сделал бы вид, что не слышит разговора между Борисом и Хатком, но его поразил ответ Бориса и то, как он рассмеялся. Ответ этот, в котором обычное хвастовство («не с таким справлялся») смешалось с уверенным схемом чего-то достигнутого человека, заставил настроиться. И, заметив это, моторист Дерягин, чернородый и ласковый Дерягин, обратился прямо к Павлу:

— Ты, паренек, ведь, тоже куда звонил? Так правду, что ли, Хаток говорит?

И припнулся Павлу, чтобы не выдать волнения, сказать: — Это все ролик.

«Ролик» вышли удачным, ибо не было на языке электриков лучшего слова, чем это название мельчайших фарфоровых

изоляторов, чтобы ярче передать, насколько ничтожно каково либо обобщение, вопрос, событие...

Павел сказал «ролик», а подумал иначе...

... Выбравшись из густой сети проводов, медленно переставляя когти вниз по столбу, Павел взглянул на здание заводоуправления и легко угадал за окном телефонной подстанции легкую Анкину фигуру. «Анка сейчас обеими руками переставляет штепселя на доске коммутатора. Она как бы дрижжует несильной другой музыкальной раоторной или делает какую-то странную гимнастику. Она разбрасывает по тоненьким проволочкам короткие и такие одинаковые слова, как будто они заранее привычны к каждому штепселю, и для того, чтобы они зазвучали на мембране какой-нибудь трубки, вовсе не нужны ее теплые губы, тонкие лики, глаза. «Готово. Звоните. Не отвечает...» Нужны только руки, утомленные восьмичасовой телефонной гимнастикой...»

Когда на высоте когтя, а под руками железное тело столба, нельзя электрику думать о живых девушках. Когти напоминают сами это правило. Они скользят вниз по столбу и знают, что, если этот поступок и повредит кому-нибудь, то их пригодность, а следовательно, и невинность будет подтверждена затем инстинктивной трудой. И еще — нельзя так медленно и с такими остановками спускаться со столба, как спускался Павел. Когти напомнили Павлу азбучные правила. Пользуясь тем, что Павел ни разу не посмотрел на них, они разжали зубья и сняли с себя всякую ответственность за дальнейшее.

Но хорошо, если случайно задумавшийся о девушке электрик мечтает, не размахивая руками. Тогда руки, охватывшие столб и скрестившие пальцы, выполняют обязанность тормоза.

Четыре метра спуска по методу скольжения все-таки оставили в ладонях в виде напоминания о происшедшем несколько заноз. Но это была минутная тревога. Это могло случиться каждый день. Это сейчас же прошло. А, вот, та, неясная и туманная тревога все еще оставалась...

Павел прошел по усыпанному кварцитом и пропитанному алебастром двору, проехал несколько саженей в нагруженных керамичной и огнеупорным кирпичом вагонетках, спал в инструментальную когтя, плоскогубцы, бурав и прошел к новому мотору. Он успел еще опутать гулящий статор мотора, проверить показательные приборы и вынул руки.

В телефонной будке трубка отозвалась обычным, чужим, привычным на штепселе словом: «Подстанции». Потом несколько других слов, тоже холодных, ибо они бегут по длинной проволоке: «Зайдем? Ладно. Неголда, зво...»

Штепсель вынут, Анке нужно делать неотложную телефонную гимнастику.

Огромная «вольтова дуга» — в синей плавильной ванне зажата между неровными углями, последующие слова горит в щели между острыми обложками. По небу беспорядочно разбросаны угли, между ними нет спящих глаз вольтовых огней; день на исходе, электростанция потухшая...

Анка сплет мему. Веселая толстуха Лена расписывается в дежурной тетради и, приподнявшись на коротеньких ножках, поправляет Анке сбившиеся волосы. Павлу кажется, что, когда он вошел, девушки как-то по-особенному переглянулись и рассмеялись — слишком звонко.

— А, Павло! — хохочет Лена и смешно прыгает на маленьких, толстых ножках. — Ты до сих пор не знаешь, что нельзя звонить к Анке по телефону. Еще, пожалуй, в любви по телефону начнешь призываться. Чудило! Оставь звонить, вертлявый вояка! — выплевает она строчку из какой-то веселой песенки.

Но Анка сразу становится серьезной. Она принимает к ушам маленькие кулачки, закрывает глаза, — вместо синих искорок на лице ее остаются только тени усталости.

— В голове у меня звонки, звонки, звонки,—она перенервничает ужимками плечами, и в этом движении Павлу чудится прощание тоненькой пластинки между натужками телефонного звонка.— Если бы самый дорогой для меня человек несколько раз переговорил бы со мной по телефону, я не хотела бы его больше видеть.

Потом она сразу обрывает себя:

— Ну, занимай Идешь, Павел?

— Идем, Анка. Прощай, Лена. Желаю, чтобы в конце смены к тебе позвонил товарищ К.

Как и прежде, идя рядом с Анкой, Павел не умеет сказать все, что необходимо когда-нибудь сказать. Он смотрит сбоку на ее ресницы, на розовые ушки, и которыми она так сильно прижимала руки, уставшие от дирижированной нестройной и непослушной оркестром чужих разговоров. Ему хочется так же, как хочется сейчас весне, чтобы ее не дни расщепали и пели, чтобы у всех,—а главное, у него с нею—звенели сердца так же хорошо и чисто, как натянутые им сегодня три струны, три фазы проводов. «Но она спросит, какое мне до всего этого дело? Ведь, я видел, как она и Ленка смеялись, когда я вошел. А потом, Лена, эта хитрая толстуха, недаром говорила о моих разговорах с Анкой по телефону. Они смеются надо мной!—терло выводит Павел и мыслит, что зашел за Анкой, что идет теперь рядом с ней и, вместо того, чтобы говорить напрямик, прикручивает сам для себя какие-то колочки воспоминания и слушает, как вышумленный из-под напора старой зимой и не прибранный еще к рукам весной разгульный ветер разбрасывает по небу остывающие угли туч. «Вот сейчас же спрошу у нее, почему она дважды пропустила работу на крыше, почему в цехе говорят о ней и о Борисе, почему она с Ленкой смеялась надо мной»,—решается Павел и спрашивает неожиданно для самого себя:

— Ты здорово устала?

Анка досадливо возит брови.

— Ты ничего другого не мог спросить? Так надоело! Так надоело! Как будто не о чем больше говорить, кроме звонков, работы, усталости? Честное слово, Павел, ты забыл на крыше, вдавлок еще на заброшенное сейчас крыше, все, что ты знал.

— Брось нервничать, Анка! Крыша не заброшена,—Павел чувствует возмущение,—крышу забросили только те, что увлеклись глупостями на земле. Через несколько дней крыша...

— Павел!—Анка злится.—Я не меньше тебя знаю, что с нашей крышей! Но... Да молчи же! Но раз ты стал только «кровельщиком», как назвали тебя ребята, то и не твое дело до тех «глупостей», что делаются на земле!

— Вот как! И ты о том же.

Они идут молча. «Это в последний раз я провожаю тебя, Анка!—думает Павел.—Так вот откуда была эта тревога, из-за которой я едва не пошелвал кровью землю... Но я, ведь, тогда думал о тебе! Как не стыдно тебе называть меня «кровельщиком» и почему ты не догадываешься, что я чаще, чем можно, думаю о тебе? А если я скажу тебе это?»

— Выслушай меня, Анка!—начинает Павел, облизывая сухие губы.—Я сегодня целый день работал на столбах и целый день я чувствовал какую-то тревогу.

Павел знает, что теперь он должен сказать ей о Борисе, о себе, о чем-то еще, чего он до сих пор хорошо не продумал, но простые когти, те самые когти, которые предательски разжали зубья там наверху, теперь словно со всей силой впились в его речь. И вышла она круглой и безразличной, как столб.

Столб очень высокий, Анка. Стоишь на когтях, а под ними ничего! И никто не знает имени изобретателя когтей... Он, наверное, разбился, а его когти перешли к нам. И из-за них я могу потерять все. В один какой-нибудь день скользну, как сегодня, но не удержусь руками, и не будет ничего—ни работы, ни весны, ни...

Ему хочется сказать «ни любви к тебе, Анка», но эти слова задерживаются, и он доканчивает скороговоркой:

— Ничего, ничего, словом, не останется!

Девушка говорит с умеренной заботливостью:

— Будь осторожнее, Павел. Нечего на столбе размышлять о каких-то изобретателях.

«Анка! Ведь, я размышлял не об изобретателях, а о тебе!»—хочет сказать Павел, но это не выговаривается.

— Ленке вчера Степан Эгоричев Катков предложил выйти за него замуж,—после короткого молчания говорит Анка,—и она, кажется, оговорилась, несмотря на то, что он уже успел поставить ей условие: «Вы будете хорошей женой, а может быть, по велестью судьбы, хе-хе, и матерью», но думайте о кружках больше, чем о клубных кружках. Хе-хе-хе!» Ленка смелно передаривает его и говорит, что он так и «ехекает» в вопросительным знаком в конце. Но это совсем не смешно. Ведь, если

Ленка и согласится, то только потому, что ей тяжело жить так, как мы с ней живем. Мне немного помогает мать, а у нее нет ничего. Чт-ж ты молчишь, Павел?

Павел усмехается и говорит медленно, глядя Анке прямо в глаза:

— Мне нечего говорить. По-моему, Катков не на много хуже Бориса Шеглова. Только ты ему скажи, Борису, чтобы он не звонил к тебе по телефону.

Анка шире открывает глаза и отвечает раздраженно в упор: — Мне не хотелось бы оправдываться перед «кро-вель-щиком», но, знай, что Борис... Впрочем, это тебя нисколько не касается... Иди обмань.

Тогда Павел хватает ее руки, тискает их и, неистово горячась, передает ей цеховые разговоры.

— Там тебе уже отдали Шеглова, а он только смеется. Неужели это правда? Чему же ты улыбаешься, Анка?—кричит он.

Анка совсем не хочется отвечать. На ее губах вздрагивает легкая и лукавая усмешка, которую девушка получает в на-

Труба отозвалась обычным, чужим словом: «Подстанция».

следствие вместе с кровью и которой она говорит: «А! Обо мне многие думают и говорят. Из-за меня скликаются радость и боль, сильные сердца и руки. Значит, у меня весна, значит, я хороша. И мне кажется, что не стоит их успокаивать. Ни твою, ни другого, ни третьего...»

И, словно угадывая смысл этой улыбки, Павел выбрасывает горячечные глупости:

— Анка! Это не счастье! Это не по-комсомольски! Он чужой! Он не был на нашей крыше, Анка! Не был на крыше, Анка!

Голос его разгорается, и он кричит, сам не зная, откуда идет к нему эти книжные, горячие слова, которыми—он уверен—никого не говорил при воллетьной дуге солнца, днем...

— Когда ты будешь со мной, Анка? Я спою тебе такую песню любви, какой ты никогда не слышала. Анка! Я смогу сказать тебе, Анка, то, что так трудно сказать. Я знаю, что это будет, только поверь мне, Анка!

Но девушка отнимает у него руки и, смеясь, бежит к белым домикам колонки «Индустрия». Павел, не приходя в себя, кричит ей вполголоса:

— Анка! Это нечестно! Это не по-комсомольски, Анка!

— Береги когти! О когтях больше думай, Павел!—доносится ее смеющийся возглас...

Павел встряхивается и идет, твердо переставляя ноги. Он смотрит вперед, слушает неясные звуки, которые, как воробьиный грохот, влетают над беленкой колонией «Индустрия», они смешливые, чем Анкин возглас, поднимаются впереди над двухэтажными домами заводского поселка... И Павлу вдруг открывается, что предвесенний ветер, в сущности, ничем не отличается от ветра осени: он так же низко бежит, пригнувшись к самой земле, и с такими же унылыми жалобами встречает его лгунистый хор в грязной и мелкой реке, маленький червячок проползающей у подножья завода...

Павел думает, не так-то, о том, что, если бы он жил, как Борис, то прямо на земле, не увлекаясь охапками своих и чужих дел, не тратя времени на эту надушающую крышу, между ним и Анкой было бы что-то другое. Он не знает, что именно, но верит, что было бы лучше. «Хорош я! Кровельщик!» — молет он сам себя и старается не думать дальше ни о чем. И тогда на языке до щекотки назойливо начинает вертеться обескороленный барабанный напел, и вдруг этот напел приобретает смысл в неожиданном оформлении. Павел уже в голос поет смешной и странный куплет:

«Вперед заре навстречу,
Товарищ наш, в борьбе
Сухават возле пе-чи
И червяки в крупе...»

Напел вызывает смех с примесью какой-то обиды, и Павел не может определить, кому предназначена эта налутственная песенка—яке, Анке, Ленке или ему самому?..

II

Два месяца тому назад, утром, задолго до начала первой смены, незнакомый парень в новом зеленом плаще вошел в электро-мастерскую.

— Здрас, Николай Иванович!—спросил он у ожидавших нарядя электриков и только потом поздоровался:— Здрасово, товарищи!

— Серый пес на хвосте унес,—хмуро ответил чернороборый моторист Дерягин, и потому, как он зашевелил бородой, было видно, что ему сразу не понравилось вошедший. Не понравилось его щегольский вид, что он сразу, как старый знакомый, назвал начальника цеха; не понравилось и то, что он—это было замечено всеми—последним делом поздоровался с электриками.

— Так-то, товарищ! Если не опрыснет, то далеко унесет,—досказал Дерягин издавно принятую ответную поговорку на вопрос об отсутствующем начальнике.

— Это оспеделство,—отшутился вошедший, обвел глазами грязную мастерскую, подобрал плащ, намереваясь сесть на лежащий у верстака шкив, но сразу переменял свое намерение и громко заметил:

— У вас тут и сесть не на что. Грязища у вас!

— А у вас?—неудержимо спросил Дерягин.—Как в праздник у бабы под мышкой?

Парень в зеленом плаще не смутился и ответил, как бы спохватившись:

— У нас-то, на Кремадорском металлургическом, конечно, чище, но, верите, я совсем забыл, что теперь и мне придется работать здесь. А про бабу вы здорово сказаны. Кстати, как тут у вас насчет девушек,—скачать не придется?

— Это уж сами смотрите,—отворачиваясь, проговорил Дерягин,—но, опыт же, конечно, не то, что у вас на Кремадорском металлургическом—бабы не золотые, а кирпичные, огнеупорные,—связил он.

Павел внимательно посмотрел на нового. Высокий, белоку-рый парень. Худ, но в меру жилист. Одет по-американски: гетры, плащ, серый комочек галстука в воротничке синей «спецовки».

— Значит, ты и нам совсем, работать?

— Да. Меня пригласил Николай Иванович,—я Щеглов. Вам, наверное, Николай Иванович говорил? А что, много у вас монтажной работы?—в свою очередь спросил он.—Кто из вас его руководит? Интересно бы познакомиться, я, ведь, самостоятельный монтажник,—с едва заметной хвастливостью подчеркнул он и улыбнулся. Улыбка эта, видимо, означала: «Посмотрите, какой я молодой, а уже добился высокой квалификации».

Наступила очередь вмешаться в разговор электрики первой—Хатюку. Он обычно с изумительной ловкостью проверял сам для себя и для товарищей по цеху сведения всех новых поступающих, принимаясь узко-практическим работягой. Хатюк scorsoил лоб, прищурил хитрейше заповоронные глаза и заговорил:

— Гарно! Гарнесенько! Осведчени, я доси по ций части кумек-ав, але-ж, як навропце балакати, теоретиків у нас немае. А вы що-ж, як школу яку скінчили?

Щеглову явно польстило то, что к нему с таким уважением обратился сразу же этот солидный рабочий, по всем признакам—один из лучших мастеров.

— Я прежде работал с вашим начальником цеха. Потом был в Н. на электротрусах. Оттуда я вышел уже самостоятельным монтажным монтером,—снова подчеркнул он.

— Опе-ж нам и треба було знати!—обрадванно воскликнул Хатюк и хлопнул его по плечу.—Тучоки миж нас сварьба; я кажу им, що безвагоного сопротивление отакочки выраховується, а Павло, ось цей,—несгідний.

Новый некоторое время рассматривал замузоленную и путанную формулу. Потом он заговорил долго и научно. На

слабых местах Хатюк осторожно пробовал его столкнуть, но, в общем, новый отвечал верно.

Общее внимание к Щеглову разбилось на обычные группы разговоров. Щеглов отошел в сторону в угол мастерской и достал из кармана какой-то маленький справочник. Павел, указывая на него глазами, спросил у Хатюка:

— Что?

— Та, капись, хлопчик теоретичний. А практика дади докаже що та як. Теорія—це таке дило, Павлуся...

Щеглов, взглянув на ручные часы, подошел ближе.

— Через десять минут гулюк,—сказал он.—Ну, что-ж, будем работать, только грязь тут, товарищ, жуткая!

Мой отец когда-то служил в Луганске на «Гартмане» — механиком. Я еще папаном к нему бегал. Вот где чистота была! В заводоуправлении ресторан на крыше! Ваные комнаты! Разносили...

Знаем, что там когда-то в контроле было,—перевивает Дерягин,—я хоч и не механик, а пороги там обивал. Ты еще тогда, товарищ, в мамке был... А у нас дело проще: завод маслянный, народ малосольный, работы довольно. А грязь—она вся, как есть, из олимпиад, сами да кварцу. Такой мази и доктор не придумает. Только вот, товарищ, плащ-то тебе придется малость понаспачать. Дело такое, не бабе, одно слово, дело...

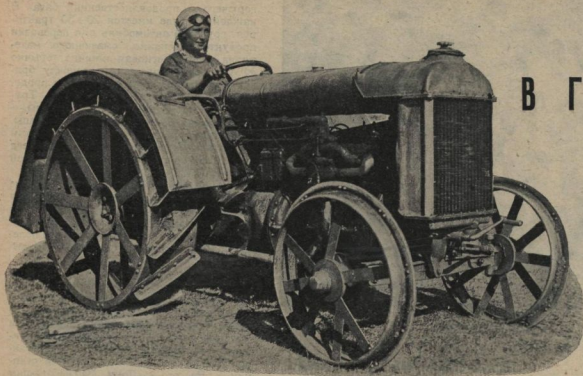
Посмеялись. Но новый все же вступил в спор:

— Неправильный взгляд у вас, товарищ... Дерягин? Так вот, нужно, товарищ Дерягин, чтобы в заводе было чисто и чисто, вы сами сказали, как у хорошей девочки под мышкой. Тогда совсем иначе работаете. Вот, почитайте у Гастева...

(Продолжение следует)

Девушка бежит к белым домикам колонии.

В ГОСТЯХ

У

„ГИГАНТОВ“

I. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕРЕВНЯ

— Куда вам, целым селом лезете в комунау, в колхоз!—говорили комсомольцам Еланского, Байкаловского и Знаменского районов, когда они ставили вопрос о создании крупного колхоза.

— Вы бы ТОЗ (товарищество по совместной обработке земли) организовали и то было бы хорошо. Организуйте поселковые ТОЗ'ы и ладно! А то полезли из крупный колхоз, запутаетесь еще.

Тогда колхозники-комсомольцы Елани, Байкалова и Знаменского решили проявить свою инициативу.

В Еланском районе колхозники-комсомольцы начали соревноваться—кто больше коллективизирует единоличников. Все члены партии и комсомола всего района вступили в колхоз, показав этим пример остальным крестьянам.

По инициативе комсомола, наряду со старыми коммунами, возникла коммуна «КИМ». Особенно поднялось настроение у колхозников, когда был добыт первый трактор. Это было уже солидным аргументом для крестьян-единоличников в пользу выгоды коллективизации.

Пять тысяч разоренных крестьянских хозяйств, когда-то мечтавших об улучшении своего положения с помощью бога, пришли в колхоз и отдали все свое имущество на общее дело улучшения сельского хозяйства на коммунистических началах коллективизированного труда. Вместе с этим, пять тысяч крестьянских дворов влили в общее дело 10 000 рабочих рук, 4 000 лошадей, 12 000 коров, не считая овец, свиней, домашней птицы, инвентаря и своих жилищ.

Но всюду, где нарождается новая социалистическая деревня, возрастает и бешеное сопротивление кулаков.

Идея комсомольцев создать большой колхоз, где обеспечена не только земля, но и скот, жилища, питание и пр., встретила в лице местного кулачества неприимого противника.

Комсомольцы, увлекшись идеей сплошной коллективизации, недоучли, что кулак идет в колхоз не для того, чтобы

строить новую социалистическую деревню, не потому, что ему близки интересы бедняков и середняков, а потому, что он думает на этом нажить, укрыться от налогов и, провалявшись на руководящие посты в колхозе, вернуть его внутри.

В Байкаловском районе в селе Ларино кулаки засели крепко. Они даже создали свои собственные колхозы, куда принимали только закятных. Комсомольцы, будучи в большинстве политически слабо подготовленными, недоучитывали, что пускать кулака в колхоз это же, что пускать волка в стадо.

Упорной работой комсомольцы Еланского, Байкаловского и Знаменского районов добились того, что, как бы в ответ на возникновение на Северном Кавказе грандиозного совхоза «Гигант», в Уральской области растет, ширится и крепнет колхоз, имя которому также «Гигант».

Деревни, которые каких-нибудь несколько месяцев тому назад были на положении бедных разоренных хозяйств, преобразились. Крестьянкам не нужно уже таскать с собой в поле детей—для этого при коммунах колхоза «Гигант» устроены ясли. Ремонтируются старые и возводятся новые школы.

Появились в колхозе и своя печатная газета с тиражом в 5 000 экземпляров. Электричества еще в колхозе нет, и поэтому газета печатается ручным способом.

Одно из самых любопытных, пожалуй, явлений в этих районах, охваченных колхозом, это—почти сплошное безбожие. Даже день отмыка большинство коммун колхоза «Гигант» перенесли с середины на среду.

Особенно большие перемены в колхозе «Гигант» в производственном отношении. По плану, который разработан при деятельном участии колхозников, в колхозе «Гигант» намечено создание 27 хозяйств. Каждая экономика будет специализироваться на одном виде сельского хозяйства. Параллельно с этим в экономике будут построены всевозможные подобные предприятия, которые будут на месте перерабатывать все отходы произ-

водства, а также приводить в наиболее рентабельный вид продукцию, выпускаемую экономией.

Уже с этого года начата грандиозная строительная работа. Строится гараж на сто тракторов, громадная мастерская по ремонту сельскохозяйственных машин, свыше 30 скотных дворов, вместимостью от 100 до 400 голов в каждом.

Второй месяц в колхозе функционируют тракторные курсы, на которых обучаются 160 колхозников, в числе которых есть и девушки.

Наряду с промышленным строительством в виде маслозаводов, сыроварен, маслобных заводов, льнообделочных, кирпичных заводов и т. д., начато большое жилищное строительство. Запроектирована постройка 30 общежитий, 40 столовых, 40 ясель, 24 бань, 40 детских садов, 8 школ крестьянской молодежи, профтехической школы, 5 народных домов, больницы. Сейчас район телефонируется, уже работает телефон между штабом колхоза «Гигант» и окружным центром—г. Ирбитом.

Недостаток «Гиганта»,—он расположен далеко от железной дороги. Сейчас к нему можно пробраться только на лошади; по неудобной дороге надо пройти 44 километра. Но уже с этого года колхозники выделяют рабочую силу на ремонт пути и, возможно, даже с этой осени будет налажено регулярное автобусное сообщение между Ирбитом и селом Мишкино, где находится мозг этого колосального колхоза—оргбюро «Гиганта».

Даже в первый год своего существования колхоз дал результаты коллективизации. Расширенная посевная площадь и применение новейших агрикультурных мероприятий сказались на повышении урожайности. Это резко отличает поля колхозников в сравнении с единоличниками. Если на колхозных полях, в среднем, пшеница дает 100—120 с гектара, то у единоличников при тех же условиях 80—90. А лучший урожай—это самый веский аргумент для крестьянина да дело коллективизации, да дело переустройства деревни на новых социалистических началах.

С. Галлер

Совхоз «Гигант». Молодежь на отдыхе.

Совхоз «Гигант». Женщины-трактористки.

Совхоз «Гигант». Уборка сена.

Совхоз «Гигант». Письменный для связи с городом.

II. КОМБАЙНЫ, „ГИГАНТА“

В ПЯТИ часах езды от Ростова, на границе Донской области и Кубани есть маленькая станция Целина. Своё неслыханно странное название она носит не спроста: маленькая деревушка, вернее поселок, приютилась недалеко от станции, и больше ничего, а дальше—степь, степь, которая еще так недавно находилась в совершенно первобытном состоянии; степь, ни разу не потревоженная плугом—целина. Отсюда и название станции. Прекрасная плодородная почва (нирный чернозем), благоприятное жгучее солнце, изумительные климатические условия местности, казалось бы, должны были способствовать процветанию сельского хозяйства, земледелия. Но не так думали бывшие владельцы земли русской. Крупные помещики Пишваповы и другие, им подобные, не нашли более бездарного способа эксплуатации своих необозримых земельных угодий, как пасти на них овец. Овцеводство приносило им крупные барыши и не требовало больших затрат, а главное хлопот. Чего же более? Однако, все эти крупные барыши составляли очень небольшую часть того, что можно было бы извлечь при рациональном, умело поставленном сельскохозяйственном хозяйстве. Времена изменились. На смену людям, желающим только обогащаться, пришли люди, желающие работать, а на смену мирно пасущимся овцам пришли стальные кони, резко изменившие колорит местности. Там, где недавно было только пастбище, находится первый опытно-показательный совхоз Зернотреста. Двести тысяч гектаров земли, пятьсот тракторов, двенадцать тысяч рабочих рук (трактористов, батраков, батрачек и пр.). Этот небывалый размах, это крупнейшее в СССР образцовое сельское хозяйство невольно подвигает своими гигантскими размерами, отсюда и название совхоза—«Гигант».

Огромная территория разделена на отдельные участки, или, как их здесь называют, тракторные колонны. Каждый участок охватывает по несколько десятков гектаров и является самостоятельной боевой единицей, находящейся в распоряжении центра. Управление совхоза помещается на станции

Целина, здесь же расположены склады горючего и продовольственной базы. В каждой бригаде имеется 20—30 тракторов, грузовой автомобиль для перевозки продуктов, бензина, смазочного материала и пр. Легковая машина, обычно «Форд», обслуживает связь между бригадой и штабом. Есть еще вторая продовольственная база—это разъезд Трубешкой, километрах в 20 от Целины,—снабжающая более отдаленные бригады. Сушествует проект туда же перевести и управление совхоза, так как разъезд Трубешкой расположен в центре всей территории.

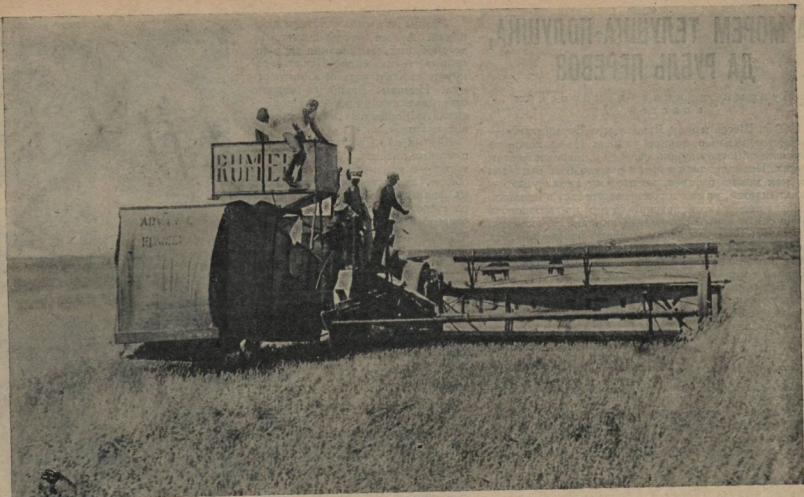
С самой ранней весны, когда снег еще не успевает стаять, все 12 бригад, в 100—150 человек каждая, выезжают по своим местам остаются там до глубокой осени, пока заканчиваются все полевые работы, живя в особых вагончиках.

К уборочной кампании в «Гигант» приехали заграничные гости—комбайны, универсальные сложные молотилки и сотни сноповязалок. Совхоз вооружился до зубов. Вместе с комбайнами приехали и молодые комбайнсты, только что окончившие тракторные курсы и проработавшие некоторое время на опытной станции в Ростове-на-Дону. За небольшим исключением почти все комбайнсты—молодежь, комсомолы; они прекрасно учитывают всю важность возложенной на них задачи. Работа закипела, все комбайны и молотилки были собраны в срок и уже за несколько дней до уборки стояли в полной боевой готовности.

В этом году комбайны появились у нас в СССР впервые: это универсальные американские уборочные машины, которые в процессе работы жнут, молотят, веют и отсортировывают зерно. После часа работы комбайн подвезает грузовой автомобиль и забирает до двух тонн уже обмолоченного и отсортированного зерна. Необыкновенно точная конструкция машины требует аккуратного и умелого обращения. Комбайны совершенно не терпят поладухи: хля в хлебе сорных трав и требуют абсолютных чистых посевов, в противном случае происходят частые остановки в работе. В этом году на полях совхоза работало 25 комбайнов и 30 новых молотилок.

60 тысяч гектаров посевов были убраны в 20-дневный срок. Однако, не одним только машинами нужно быть обязанным успеху этой героической кампании. В дни уборки дуд горячий ветер-суховей, каждый час промедления грозил гибелью больших участков посевов; хлеб мог пересохнуть и зерно высыпаться из колоса. Для предотвращения этой опасности требовалось максимум напряжения и бдительности от каждого отдельного работника, и тут громадную роль сыграло социалистическое соревнование. Через гостя совхоза комсомольца «Гиганта» первые сделали вывоз крапивоармейских полях связи, устанавливающим полевой телефон по всей территории «Гиганта». Это было сигналом к общему соревнованию от отдельных бригад, отдельных кошей за своевременную уборку своих участков до соревнования шоферов, трактористов, кухарок, батраков. И в результате все планы по уборочной кампании, несмотря ни на какие трудности, в совхозе «Гигант» выполнены на 100%.

В. ШАХОВСКИЙ

Совхоз «Гигант». Комбайн за работой. Комбайн—универсальная уборочная машина, которая жнет, молотит и отсортировывает зерно.

Совхоз «Гигант». Просушка обмоченного зерна.

ЗА МОРЕМ ТЛУШКА-ПОЛУШКА, ДА РУБЛЬ ПЕРЕВОЗ

Мудрый приказ лондонских властей

1820 г. Шоосе между Лондоном и Бирмингемом — извилистое, грязное, полное ухабов. Из-за поворота появляется быстро идущий человек с красным флагом в руках. Пропадался в ямы и рытвины, он падает, миты как можно быстрее, но это ему плохо удается: он спотыкается, впадает в грязь, застревает в канавах.

Через несколько мгновений за ним из-за поворота появляются зеленый громадный экипаж. У экипажа три колеса. На крыше его восседают пассажиры. Их неизменно трясет и побрасывает на ухабах. Но они стойко выдерживают испытание. Потому что они едут на первом в мире паровом автобусе. И пусть они попадают в Бирмингем гораздо позже своих знакомых, путешествующих попутно на лошадах. За ними все же останутся честь поездки на новой дикинвиной машине.

Правда, эта странная паровая фура могла бы идти быстрее. Но на столбах дороги были вывешены грозные объявления:

Английские власти разрешают движение паровой повозки по дороге Шоосе — Бирмингем при одном непременном условии: впереди ее должен двигаться человек с красным флагом, оповещающий всех встречных о приближении автобуса.

Так путешествовал первый в мире автобус со скоростью ходьбы человека, ковыляющего по грязной дороге. И неудивительно, что он скоро умер: техническое несовершенство и глупый приказ доканали его.

Армия на автомобилях

Прошло 100 лет. Был рагар империалистической войны. На западном театре войны, в Пикардии, немецкие армии прорвали союзный фронт. Страшным клингом врезались германские дивизии в линию фронта. Клин расширился, своим острием нацелившись в Париж — сердце Франции. Казалось, исход войны уже ясен: разорвав союзный фронт, приближаясь к беззащитному Парижу, немцы должны победить. И озоные армии, боясь полного разгрома, спешно отходят на юг.

Но тут выступает на сцену автомобиль. Маршал Фох отдает свой знаменитый приказ:

«Исбавляйте все таксомоторы Парижа. С-брат, в свои милый автомобильный клуб все машины северис Франции: навозные, частные, городские. Посалить в них все свободные французские резервы. И спешно сбросить автисбиальную армию в парюва».

Это было невиданное зрелище. По порогам Франции в одном направлении — к месту поражения — с максимальной скоростью, на которую только возможен автомобиль, мчалась тысяча машин. Здесь были прекрасные машины частных владельцев, потреланные парижские таксомоторы и непоторовитые громадные автобусы и грузовики. И все они были наполнены одним грузом: солдаты, винтовки, пулеметы, патроны.

Немцы не ожидали такого сюрприза. Армия, переброшенная на автомобилях, неожиданно обрушилась на немецкий клин. Пол этим сокрушительным ударом клин дрогнул. Немцам пришлось спешно оттягивать назад прорвавшиеся дивизии. Прорыв был ликвидирован автомобилями.

С тех пор маршал Фох не раз повторял автомобильную атаку. И всегда — с неизменным успехом. В общем, за последние годы войны на французском фронте было перевезено на автомобилях 35 млн. солдат и 30 млн. тонн груза. Этим автомобиль выполнил работу 3100 тыс. железнодорожных вагонов. И в значительной степени решил судьбу войны. Во всяком случае в речах и мемуарах Керзона, Фоша и Людендорфа неизменно встречается одна и та же фраза: — Французский автомобиль одержал победу над немецкими армиями.

«Дорожная вощь» американских батраков

Эти два эпизода ярко рисуют историю автомобиля. Он рождается в муках среди невежества, глупости и недоверия. Но, родившись, он быстро завоевывает мир.

В 1895 г. в Америке только 4 автомобиля: Дюрна, Форд, Хейнс и привезенный из Европы Бенц. Через 30 лет — в 1925 г. — Америка уже сама строит 4 млн. автомобилей. А еще через 2 года — к 1927 г. — американская автомобильная армия достигает колоссальной цифры в 22 137 тыс. штук.

Сейчас каждая уважающая себя американская буржуазная семья имеет три автомобиля: один — лимужин — для городских вывозов, другой — открытый — для загородных прогулок и третий — «Форд» — для прилуги, отправляющийся на базар за покупками.

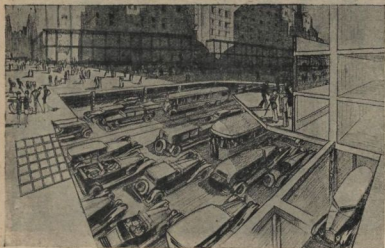
Каждый американский фермер и громадное большинство квалифицированных рабочих держат «дорожную вощь», как прозвали в Америке автомобиль Форда. И даже безработные сельскохозяйственные рабочие и негритянские фермеры и адолюшки, эта самая обездоленная часть полупролетариата, сплошь и рядом имеют свои машины.

Секрет этого распространения автомобиля прост. Прежде всего, подержанный «Форд» можно купить в рассрочку за 25 — 50 долларов. А во-вторых, по подсчетам американцев, стоимость путешествия пешком на 20% выше стоимости поездки в автомобиле.

Потому расчетливый американец и приобретает автомобиль, считая, что он настолько богат и расточителен, чтобы ходить пешком или — избави бог! — пользоваться лошастью».

Победное шествие автомобиля Надо сказать — весь мир берет пример с американцев и за последние годы лихорадочно автомобилизируется.

Вот разительный пример. В Европе к началу войны было около 500 тыс. автомобилей. Кончилась война, и Европа уже насчитывала 700 тыс. машин, увеличили их число, примерно, на треть. Прошло еще 5 лет, и к 1925 г. число европейских автомобилей дошло до громадной цифры в 2150 тыс. машин, возросли более, чем втрое. За последние 5 лет Европа сверхамериканским темпом догоняла Америку.

Улицы в городе будущего.

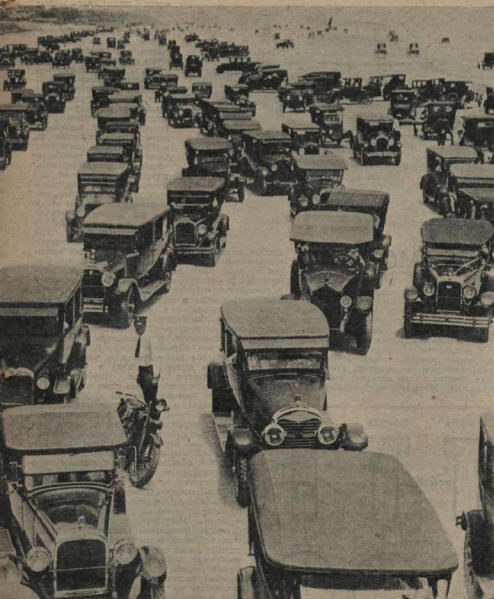
Тот, кто видел крупный 5 тому назад, не узнает и лошади: ее также труднее нас в Москве, на центральном коровой. Лошадь изгнила, повластно заняла азия, Индия, Китай, юда даже Африка лихора. Вещь билльную Америку. Весь мир

В хвост

А СССР? Что делал в этом мире шло бешеное развитие. Нашо открыто и привнес на месте и неудивительно оказался в хвосте у мира.

В начале войны мы не были и находились не в хвосте вперед Италии, И Дании. Кончилась война, тылось до 15 тыс. Нас ужидия, нас обогнали Испания еще 5 лет, и к 1925 г. СССР 6 влей, из которых 6 тыс. к 1928 г. мы попрежнему 12 тыс. машин.

Сейчас мы давно у четвертым местом. Впереди Норвегия и Швейцария, ния, даже Польша, даже у мира. Мы стоим на хвосте. Наша отсталость искл

Парад американцев с морского купанья.

европейские города лет сейчас. С их улиц исчезла тротуарная сеть, как у нас в городах, повстречаться из городов, и ее место заняли автомобили. Весь мир: Австралия, Америка, Франция и другие страны и континенты увлекаются автомобилем.

у мира

СССР за эти годы, когда во всем мире автомобильный бум? Скажем: СССР топтался в этом отношении он.

Вот цифры. В СССР имел 16 тыс. автомобилей — четвертое место, Франция, Швеция, Бельгия, третье место наших машин скажет Италия и Голландия и Швейцария. Прошло десятилетие, и мы достигли 18 тыс. автомобилей испорчены. И, наконец, глядя на место со своими

распроспались с нашим не только Бельгия, а сбегали даже Румыния. Мы плетемся в хвосте восточного мира.

один автомобиль приходится на 5 человек, то у нас тот же автомобиль приходится на 9100 человек.

И за эту автомобильную отсталость мы жестоко расплачиваемся. Потому, что глубоко прав американец, когда он говорит, что он недостаточно богат и расточителен для того, чтобы пользоваться лошастью вместо автомобиля. И мы расточаем миллионы и миллиарды только потому, что мы придерживаемся обратного взгляда и предпочитаем лошадей автомобилям.

Вот несколько страшных цифр нашей исключительной расточительности. Стоимость провоза у нас в союзе 16 кг зерна на расстояние 100 км на лошади по нашим проселочным дорогам обходится нам в 52 % от заготовительной цены продукта. Провоз того же количества керосина на то же расстояние обходится

в 64% от стоимости этого керосина. Сколько же миллиардов рублей переплачиваем мы ежегодно на этой варварской перевозке? И как можно серьезно говорить о снижении цен на продукты по тем портокам мы будем так расточительно пользоваться дорогой российской телегой и пренебрегать дешевым автомобилем? Непаром сложились у нас мутная поговорка: «за морем телушка-полушка», да рубль перевоза».

310 тыс. советских автомобилей

Прежде всего, мы должны широко наладить производство собственных автомобилей. Пятилетка предполагает сосредоточить его на трех заводах.

Первый — московский АМО — будет строить новый тип грузовых машин и большие 7-местные легковые машины. Уже в будущем году его производство должно составить 3500 машин, а в последний год пятилетия — 25 тыс. машин. Короче говоря, за пятилетие завод АМО даст нам 52 тыс. автомобилей, т. е. в 4 раза больше того количества, которым мы обладаем сейчас.

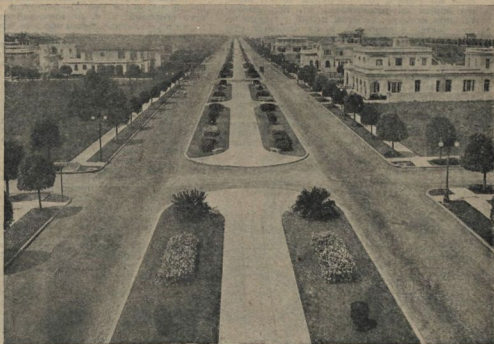
Второй — Ярославский завод — будет строить исключительно машины тяжелого типа, причем выпуск их намечается увеличить к концу пятилетия до 10 тыс. в год, что даст нам за все пятилетие около 20 тыс. автомобилей.

И, наконец, третий — Нижегородский завод. Мы строим его по последнему слову техники, пользуясь советами и технической помощью знаменитого Форда. Самый большой по своим размерам в Европе, он будет выпускать малотоннажные грузовики и легковые машины. Уже в будущем году наш советский автомобильный гигант даст нам 6 тыс. машин. В последний год пятилетия он доведет свою продукцию до 100 тыс. автомобилей в год, да за все пятилетие 180 тыс. машин.

Короче говоря, три наших завода за пятилетку дадут нам 1/4 миллиона автомобилей. А если к этому прибавить еще 60 тыс. машин, которые мы везем из заграницы и соберем у нас из импортных частей, то наша советская автомобильная армия вырастет к концу пятилетия до 310 тыс. машин.

Мы увеличим наше автомобильное хозяйство за пять лет в 25 раз. Такого бешеного роста не знала не только Европа, но даже и быстро шагающая Америка. А это значит: на нашем советском автомобиле мы решительно догоним перегнавших нас соседей. Дешевый советский автомобиль заменит дорогую американскую телегу».

П. Лопатин

Дорога на Гавайских островах.

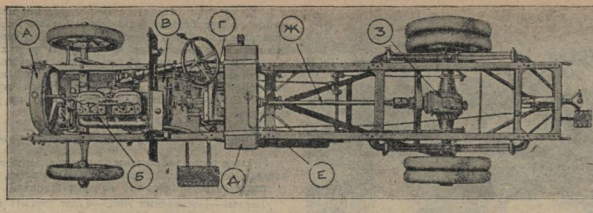

Рис. 1. Нижняя часть автомобиля—шасси.

УСТРОЙСТВО И РАБОТА АВТОМОБИЛЯ

Внешний вид автомобиля совсем не говорит о той сложности и ответственности отдельных частей и механизмов, которые имеются в нем, чтобы в целом он мог отвечать требованиям скорости передвижения, постоянной готовности к действию, быстрой остановки, выносливости и надежности в работе, экономичности в эксплуатации, легкости управления и, наконец, удобств.

Практично выработались различные типы автомобилей: легковые, автобусы, грузовые, тракторы и автомобили специальной назначения, к которым относятся: пожарные, скорой медицинской помощи, для поливочных, пометочных и мытья улиц, разнообразные автомобили для дорожных работ, слабительные тележки или вышки жилищными устройствами, наконец, автомобили, приспособленные для нужд военного искусства вплоть до помещения на автомобильных химических производствах с использованием двигателя автомобиля, например, получение водорода для надувания аэростатов и т. д.

По роду двигателей автомобили разделяются на паровые, электрические и автомобили с двигателями внутреннего сгорания. Наиболее распространенным типом автомобилей, в силу ряда практических преимуществ, является последний тип—с двигателями внутреннего сгорания.

Виды такой автомобиль, которых в СССР теперь очень много, каждый имеет оборудовать радиатор, помещающийся спереди автомобиля, верхнюю часть, находящуюся между радиатором и сиденьем водителя, ручное управление (колееса), расположенное через сиденье водителя, и несколько приборов и две рулетки около шофера. Однако, если мы снимем металлический чехол, помещающийся за радиатором, то, при внимательном осмотре, заметим целый ряд отдельных частей и приборов, и их окажется еще больше при полной разборке машины.

Каждый автомобиль имеет (см. рис. 1) нижнюю часть—раму с осями, рессорами, колеесами, ручным управлением и мотором с долговечными механизмами. Эта нижняя часть называется шасси. На шасси пассажирского автомобиля ставятся сиденья и сиденья или кароссы, а на шасси грузового автомобиля—платформа. Закрытые легковые автомобили выстраиваются в машину и, открывшие имеют форму торпедо; кареты же с открывающимся верхом и опускающимся

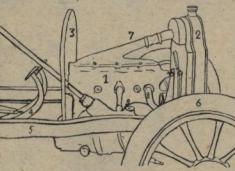

Рис. 2. Схема устройства двигателя внутреннего сгорания.

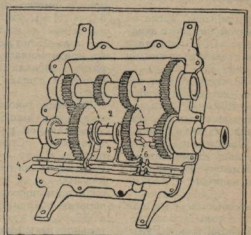
Главной частью автомобиля является бензиновый мотор (см. рис. 2)—двигатель внутреннего сгорания, т. е. не имеющий отдельной топки и устроенный таким образом, что бензин сгорает внутри цилиндра двигателя, а образующийся при этом газы производят давление, с силой выталкивая поршень, соединенный шатуном с коленчатым валом мотора, который начинает вращаться и передает это вращательное движение колесам автомобиля. Коленчатый вал с шатунами от поршня цилиндра помещается внизу мотора, в металлической коробке с шильтами и не маслом, называемый картером. Вал, передающий движение колесам, называется коленчатым, т. е. он имеет колена по числу цилиндров мотора. Автомобильные двигатели обычно бывают четырехтактные. Тактом называется каждый ход поршня от верхней мертвой точки (вышешее положение поршня, когда шатун и колено валу расположены на одной прямой) до нижней мертвой точки или обратно. В четырехтактном моторе воспламенение горючей смеси в каждом цилиндре (рабочий ход поршня) происходит один раз за 4 хода поршня (такта), а три других хода используются для: 1) выпуска отработанных газов, 2) впуска горючей смеси и 3) сжатия этой смеси перед ее сгоранием в следующем такте.

Бензин в цилиндры поступает из бака, помещающегося, большей частью, внизу, сзади автомобиля через карбюратор-смеситель, где бензин испаряется и смешивается с воздухом. Зажигание бензина происходит от электрической искры, образующейся в так называемой смеси, выходящей в цилиндр. Электричество для зажигания вырабатывается специальным прибором, называемым магнето. В большинстве автомобилей, изготавливаемых в Европе, бывает 4 цилиндра, а в американских—четыре

или 6 цилиндров. Впрыск смеси бензина в воздух происходит во всех цилиндрах поочередно. Для охлаждения смеси в цилиндры имеются специальные отверстия, закрываемые клапанами, равно как и для выхода отработанных газов наружу. Открывание и закрывание клапанов регулируется специальными механизмами, работающими от мотора, как и магнето. Освещаются автомобили чаще электричеством, излучаемым в фонари от аккумулятора, реже—динамомашиной, работающей также от автомотора. Бывает и аккумуляторное освещение. В этом случае горит газ ацетилен, вырабатываемый в специальном резервуаре при химическом действии воды на карбид кальция. Отработанные газы выходят наружу через глушитель. В автобусах и в некоторых открытых автомобилях отработанные газы используются для нагревания в зимнее время помещения для пассажиров.

Передача движения от мотора к колесам происходит не непосредственно, а через прибор, позволяющий разобщать колеса от мотора и через коробки скоростей, состоящую из системы шестерней для уменьшения числа оборотов мотора в 2000 в минуту до 200—300 оборотов колеса. Чтобы колеса могли вращаться независимо одно от другого, имеется так называемый дифференциал, состоящий из комбинации конических шестерней, способный в случае поворота и неровности дороги, когда колеса автомобиля вращаются с разной скоростью. Кроме указанных приспособлений мотор снабжается масляным насосом, обеспечивающим смазку всех движущихся частей, приводимых в действие также от мотора. Каждый автомобиль снабжен 2 тормозами: ручным и ножным, действующими независимо один от другого на задние колеса автомобиля. Регулирование количества бензина (помощью ноющей педалью), подающего в цилиндр, достигается так или иначе сзади работы мотора. Управление конусом, производимое шoferом левой педалью, тормозением—правой педалью и рулеткой. Другая рулетка служит для перемены скорости и выключения заднего хода. На автомобиле часто имеется еще электромотор, служащий для впуска в ход мотора (электростартер), вместо ручного впуска двигателя. Пуск в ход производится вращением маховика, пока не произойдет зажигания смеси, после чего мотор будет работать дальше сам. Выключением скорости и отпуском тормоза и конуса автомобиль трогается с места. Размещение перед шoferом прибора имеют целью давать знать о работе динамо, степени зарядки аккумулятора динамомашины, работе масляного насоса, давлении в бензиновом баке, скорости хода и пройденном расстоянии. Здесь же помещаются выключатели для освещения и пуска в ход мотора. Передние сиденья автомобилей этого типа систем автомобиль имеют воздушные насосы, работающие от мотора, надувающие шины.

А. Башаев.

Механизм движения кареток коробки скоростей.

Передняя часть автомобиля с радиатором, мотором и рулевым управлением.

„МИНОНОСЕЦ“ НА МОСКВЕ-РЕКЕ

Очерк АНДРЕЯ ВОЛЬСКОГО

КАК ни странно, а к Носкуной набережной Москвы-реки припарковался вскадренный «миноносец». Для москвичей диковинная машина. Мачты, трубы, минные аппараты, принимаемые за орудия, краснофлотцы привлекают к берегу публику.

— Во! Москву охранять пригнали!..

— Чудно! Как он мосты миновал?.. — разговоры самые разнообразные.

Днем на «миноносце» в развалку, как и подобает матросу, ходит на шпалы и вата вахтенный дежурный, и один-другой краснофлотцы «ежарют» на полубаке, да шныряют по трапам взад-вперед судовая собачонка «Шкертик».

Тихо отходят от «миноносца» шлюпки.

— На весла!

Дружные рыбки шести весел и белые бескозырки с развевающимися ленточками уходят, обгоняя безалаберно мучящиеся городские лодки.

... Темнота, туман и дым «моторок» окутывают «миноносец». Прозвучавшие звуки рынды (колокола) долетают до посетителей Парка культуры и отдыха.

На полубаке при свете фонаря «Летучая мышь» кружком полуплыват моряки. Командир «миноносца» ведет беседу по изучению боевого устава.

— Плохо, плохо команду подаете!

— Товарищ командир, а девчата как?

— Не все, а некоторые ребятам нос утирают! — улыбается командир.

На смену «боевому уставу» приходят такелажные и минные занятия.

И когда потянутся усталые москвичи из парка домой, от капитанской рубки ровный бас командира:

— На борт! Смирно!

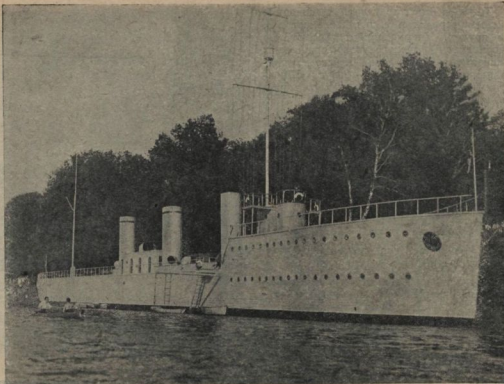
Моряки замирают на борту. Дудка рассыпает сигнал по реке и чем-то новым, непривычным звучит для прохожих:

— Флаг и гюль спустить!

На носу и юте с фок-мачты трещающими силуэтами скользнули вниз флаги. Занятия кончены. «Краснофлотцы» покидают судно. Остаются вахтенный и командир. Белые толстячки вливаются в общий поток гуляющих в парке.

Читатель, не кипятись! Не забывай, что «миноносец» не на море, а лишь только на Москве-реке, и посему военное судно остается до следующего вечера без «краснофлотцев».

Сегодняшний моряк завтра утром по гудку пойдет на завод, сменив бескозырку на кепку, станет к станку.

«Миноносец» Ососавиахи́ма на Москве-реке.

От этого «миноносца» имеет другое название, определяющее его подлинное назначение.

Это — «Морская станция Ососавиахи́ма», представляющая собой модель складчатого миносца в натуральную величину. Все части его сделаны из дерева, за исключением настоящих минных аппаратов, штурвала, компаса и машинного телеграфа. Пока еще не оборудована радиорубка и нет орудий, которые придают «миноносцу» более «сердитый» вид.

Около пятисот кружковцев ОСО доволны и тем, что есть.

«Морской кружок ОАХ», как говорит налпись на бескозырках «моряков», зимой на заводе проводит теоретические занятия, летом на морской станции — практика.

Морское дело заинтересовало и девушек. Из пятисот кружковцев их около ста.

Частенько с берега летят насмешки: — Бабы! Моряки?!.. То-ж суются!.. — Воки!..

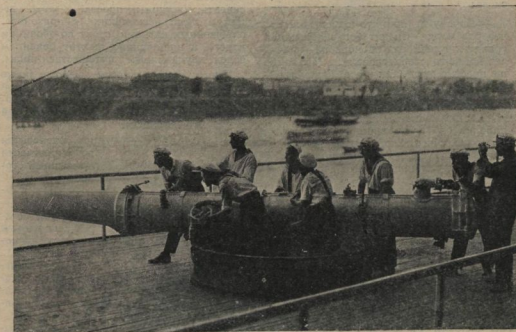
Смех отстает на берегу — дело на «миноносце».

— Девушки не только не отстает от ребят, а даже некоторые лучше работают и усваивают дело! — говорит командир станции тов. Горбунов. — У них один лишь недостаток, от них не зависящий, — они физически слабее парней.

Только что прошедший двухдневный поход на шлюпках показал опять-таки, что девушки на высоте своего положения.

Занятия на командном мостике.

У минного аппарата.

Такелаж (вязание узлов, сращивание концов веревки и т. п.) завлекает тех и других. Упорно вяжут, потеют, но добиваются «морского узла», сращивают «шерстки». Недаром общему воспитаннику—судового пса—зовут «Шкертито»—вскать, пусть все пахнет морем и кораблем.

Мудрая морская терминология с «фками», «марсами» и «рыдбулинами» легко усваивается кружковцами.

Какой-то гражданин из любопытства, несмотря на надпись «Входить посторонним воспрещается», лезет на «кораб». Дежурный вахтенный солидно, как старый волк, кричит ему с бака:

— Отваливай отсюда!

И трель свистка заставляет дядю «отваливать» в парк.

Порой, как неграмотному перед гримотным, стыдно незнающему этих терминов. Стенная газета станции выливает спекулирующих или «норжиков» и берет их, любителей флотского клепа и ненавистников работы, под обстрел. Однако, таких востлых любителей морской словесности — немного.

Процентное соревнование выигрывают комсомольцы — их на станции 99%.

«Комса» не моргает. Сознательна и основательно подготовившись здесь, намерена итти добровольцами во флот.

Бауманский райком комсомола, имея из своего района на «эсминце» преимущество по количеству кружковцев, не остановился на этом. Для популяризации морской учебы он обратился на станцию за помощью по организации шлюпочного похода. Станция идет на встречу ребятам, дает комсостав и несколько учебных шлюпок. 100 комсомольцев идут в поход.

Мечта многих заводских комсомольцев стать моряком осуществлена, стоит только записаться в морской кружок ОСО.

Но надо наполнить будущим морякам слова комсомольского отсера с минюра «Октябрьская Революция» тов. Брюсова:

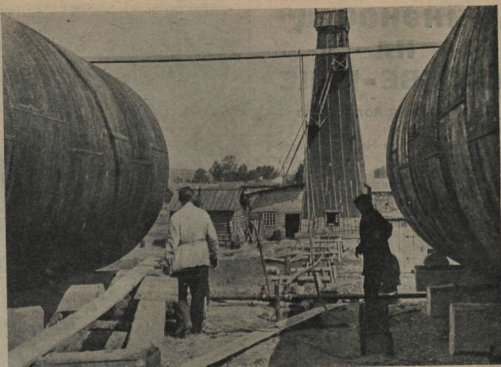
— Почему-то принято о нас писать, что раз моряк—значит бог знает какой гранит и герой, раз на корабле—значит все как-то сверхчеловек... Мы такие же простые люди, как и все. Геройство— вещь простая, без лишнего шота.

И на «эсминце» ребята вовсе не «грозные» и не какие-то особенные. Дисциплина на борту «деревянного миноносца» выковывается из каждого кружковца, ну и, конечно, подготовленного моряка на случай, если рука капиталистов дерзнет подняться на СССР.

Каждый рабочий, комсомолец должен не только владеть винтовой, противогазом, но и в любой момент стать на борт корабля, миноносца, уверенно повернуть минный аппарат или орудие на эту колесную, запалканную в крови руку. А пока с «деревянного миноносца» в вечерних сумерках льется «чепсы труда» обучающихся кружковцев.

Свободные двадцать минут отдыха пслины бодрости. От молодых здоровых голосов прожарен рен.

Мы с тобой родные братья,
Я рабочий, ты—мужик.
Наша крепкая область—
Смерть и гибель для владык...

Переканка нефти в цистерны.

СТЕНГАЗ В ТАЙГЕ

Очерк МИХ. КОССОВСКОГО

Чусовская нефть

ОТ СТАНЦИИ Валенина Горнозаводской железной дороги через сплошную пихтовую и сосновый бор влетет глинистая размытая дождями дорога. Дорога трудная, мало проезжая: колеса вьезут по ступице и на втором или третьем километре каравоком крестьянскому коньку становится ясно, что он ввязался за непосильную работу.

Седокам приходится часто выходить из вояка и собственными средствами вытаскивать и конька и тележку из вязкой темнокоричневой колеи. Это, так сказать, кустарный проезд. А механизация в лице нескольких «Фордзонов», снабженных катками, стоит по обочинам дорог и насмешливо пыхит бензином велед неудачливым путешественникам.

Много часов делятся неподатливые километры, и, наконец, сквозь сплошную матовый лес мелькают первые проблески широкой спокойной сибирской реки. Это Чусовая.

— Па-аром! — гулко разносится по окрестности призывный голос.

— Подождите, даем! — слышится характерный пермский оканчивающий стает.

Лишь на следующее утро моим глазам предстала Урал-нефть.

Если бы было соревнование на дешевизне постройки и оборудования здания цент-

рального учреждения, несомненно, Урал-нефть заняла бы первое место. Ее «здание» стоит... 300 рублей и было приобретено за наличные у местного кулака. «Оборудование» соответствует «зданию». Никаких кабинетов, никаких кресел и никаких табличек с надписью «без исклад». Простые некрашеные деревянные скамьи и длинные столы. Завы и помпы сняты в одной комнате с единственным регистратором и машинисткой. Впрочем, теңдация к «расширению» имеется и здесь. Стрится новое «здание», основной сруб которого уже готов, а «перевоска» учреждения состоится в будущем 1930 г.

Технический руководитель работ инженер Тересов охотно согласился показывать свои богатства, и мы в пролетее отравились к бурзвям.

На буровой № 1, находящейся в состоянии пригодно для эксплуатации, работало всего несколько человек, переговаривающихся между собой на гортанном восточном наречии.

— Это грозняки,—объяснил инженер.—Если бы вы знали, какие недоразумения происходят у нас с местным крестьянством...

— Из-за чего?

— Главным образом, по религиозным вопросам.

И действительно, почти тотчас же мне самому довелось наблюдать такой, например, любопытный эпизод.

Быстроходный крестьянский пермек недоброжелательно поглядывает на бритую голову с загорелым затылком грозняка.

— Ты, что же, из татар будешь?

— Нет, не из татар,—ответил грозняк.

— Из евреев, может?

— Нет...

— А из каких же ты?

Грозняк, не залумываясь, отвечал:

— Из рабочих. Понял?

— Это что-ж, вроде как нация?

— Да. Всемирная нация...

Устанавливает мерник. Здания цент-

— Брешешь все...—И недовольный нахмуренный пермяк быстро отошел в сторону.

На вышке № 2 инженер отдавал короткие приказания.

— Трубки... арматура... тартальный барабан.

Молодой бурильщик посмотрел на инженера.

— Здорово, Франц Иванович!
— Здорово! Как голова? Омочи прошиб?

История ожогов такова. Опандажи ночью раздался тревожный звон. Через несколько минут все рабочие были на буровой № 2.

— Лес горит... Отстоят во что бы то ни стало.

Пожарное оборудование слабо. На большое участие местного населения рассчитывать не приходится. И вот вся грозненская рать с топорами и ломами пошла на лес.

Почти сутки бились рабочие со стихией, но до нефтеносной зоны огня не допустили. Несколько ушибов и ожогов оставили по себе первую память о хозяйской заботливости грозненцев.

Молодую уральскую нефть они уже считают своей пролетарской собственностью.

Пролетка едет дальше по болотистым низинам.

— А каково будущее новой нефти? Много ее?

— Теоретически здесь могут быть пласты 65-метровой мощности, но если даже это оправдается только на две трети, то и тогда это будет мировая нефть...

— А каковы дальнейшие предположения насчет новых источников?

— А разве на Урале можно делать точные предположения? Урал—земля сюрпризов и непредвиденностей. Ведь, мы здесь искали калийные соли, а наткнулись... на нефть.

Елиз буровой № 6 разстилаются обширные зеленые луга, испещренные небольшими ручейками, впадающими в Чусовую.

— Товарищ Тересин, мне кажется, что здесь сильно пахнет газом...

— Это у нас обычное явление.

Я сейчас же загасил паялоску и заинтересовался гигантским баком-нефтехранилищем, весящим около 1000 тонн.

— Его доставили сюда в цельном склепанном виде...

— Как же это могли сделать? Ведь, не одна железнодорожная платформа...

— И не надо... Его наглухо заклепали, сбросили в Каму и он приплыл эпо закону Архимеда.

Перебравшись в дымном, наполненном влол чепаче через Чусовую, мы добрались до буровой № 6. В этот день шестая буровая была именинницей. Уже несколько дней томя назал было закончено ее оборудование, и бурение должно было начаться, если бы... не закарпизничал дизель.

Но сегодня дизель решил с помощью людей заглядеть все свои ошибки перед промышленностью и заработал, плавно и мощно заполняя гигантским пчелиным гудом все пространство перед буровой № 6.

Усталый, потный монтер, вытирая лоб и пожимая руки инженеру, говорил:

— Ну, можно теперь давать телеграммы. Буровая пошла. За дизель я отвечаю.

И вот полетела по проводам в далекий центр маленькая телеграмма, ивещавшая о новой победе грозненского пролетариата в дальней, неведомой, граничащей с тайгой земле.

Группа рабочих буровой вышки. Среди рабочих профессор Преображенский (четвертый справа).

В конторе Уралнефти мы застали целый ряд делегаций, приехавших участвовать собственными глазами в наличиих «костей уральской нефти». Тут были представители Верхний и Нижний Исет, Златоуст, перские шиферы и свердловские металлурги.

Еще перед осмотром делегаты прослушали объяснение.

— Новое топливо... Дешевизна... Удобства транспорта.

— Нет золь.

— Недостаток—3,5% серы...

— Но зато есть приборы, которые удалят вредные газы.

— Мы сдадим нашу нефть экспортной.

Через нашу нефть к выполнению 5-летнего плана промышленности.

Через два дня в воскресенье на базарной площади был организован митинг. Один за другим выступали на импровизированной трибуне пришедшие из другого конца земли бурильщики и разведчики, выступали в жарких спорах с коренными чувосцами о быте, религии, производстве и т. д.

Пролетарская общность и навыки сошлись лицом к лицу с вековыми традициями, косностью и религиозностью крестьянства. И пути победы уже намечались. Молодежь, чувовская деревенская молодежь уже начала «отдаляться от церкви». Общешития грозненцев начали наполняться молодыми звонкими голосами чувовских парней и девушек. Молодежь инстинктом учила правду. И только месяцю звонкими, окуржанный тасманью стариками, еще представляет собой крепость тьмы и невежества, которую молодежи и грозненцам придется взять и приступом и планомерной войной по всем правилам современного боя.

Два мира стоят один перед другим: один защищается, осалив зубы, а другой—соорелоточенный, деловой—ведет упорные наступления, заране уверенный в конечной победе.

По ночам осевью в полутора километрах от Чусовских городков а чаще залегают медведи, а прямо против них на досчатом щите красуется сегодняшний рабочий... стэнга!

Стэнга в тайге... в этом непролазаном, поинтоном, медведем углу.

— К концу года у нас будет двадцать буровых!

Вот яоний логический ответ рабочего всем полам, медведям, неграмотности и грязи.

Выливают нефть.

КОРПУСА ВЗЫВАЮТ

Очерк М. КРАСНОСТАВСКОГО

НА ПУСТЫРЕ возникли дома.

Революция объявила войну Растеряевой улице, заросшим пустырям, застраивая их «взывающими корпусами» новых домов.

Хавско-Шаболовский переулочек стал неузнаваем. Дома преобразили одну из окраин Москвы.

И если раньше радиобашня в окружении хибарок, нищих ларьков Даниловского рынка была звездочным напоминанием для деревянных и бревенчатых домиков, для анархического и шумного рынка, то сейчас сочетание хрусткой и ажурной башни с массивом многочисленных корпусов образует элементы нового пейзажа.

Пространство пустырей подчинено губернскому инженеру, разрешающему застроить пустующее поле пятиэтажными домами.

В домах по Хавско-Шаболовскому переулочку живет около десяти тысяч человек.

Люди, въехавшие в квартиры, занявшие положенную норму просторной и светлой кубатуры, жили раньше в хибарках, в тесноте, озлобляющей и принижающей человека.

Для Дантова ада воюющие коридоры, казармы, мужские спальни барачников, мизерная площадь «углов» и комнатухек могли бы составить десятый круг. Энгельс писал, что не последнее место в подготовке социальной революции занимает жилищный вопрос.

Не последнее место, смело можно добавить, в эпоху культурной революции занимает жилище.

Люди, привыкшие к запыленным и кучным окнам, въехали в дома, где окна просторны, широки для солнца и воздуха.

Этот въезд для многих—обязательство жить лучше, умней, жить по-другому. Все обязывает подчиняться коренной бытовой перестройке. Широкие лестницы, газированные кухни, светлая медь во-

допроводных кранов, гардеробы для одежды и самое главное—кубатура комнат, вместительная и обширная.

Обязательство выполняют не все. Некоторым не под силу, некоторые устали, прижились, считая, что все благо в жилищлощадях, в свободе передвижения, в воде, за которой не надо далеко ходить.

Они спасовали перед обязательством жить лучше, жить умнее, жить по-другому.

Они спасовали перед борьбой за утверждение этого обязательства в жизни, за практическое проведение мечты о светлой и лучшей жизни.

И махнув рукой, они отстали, замкнулись в свою жилищлощадь, вросли еще больше в вещи, в предметы, сила которых страшна.

Вещи и предметы в большинстве квартир—громоздки, нелепы, безвкусны.

Вещи довлеют, вещи стоят памятниками былого.

Пузатый комод, архаическая симметрия олеографий, потемневших фото, композиция мебели, взбитая кровать—так привычно и так знакомо.

Эта эстетика, эта блокада вещей на фоне белых стен своим видом кричат, что вопросы бытовой перестройки, социалистической переладки человеческой природы требуют времени, борьбы и жертв.

Если на Востоке женщины в день 8 марта срывали паранджи и бросали в огонь эту ненавистную властную темницу, то мы, к сожалению, не можем позволить себе сомнения вещей, мешавших нам жить по-новому. Может быть, придет день, когда мы предлим ками ненавистные предметы, но сейчас при наличии этих вещей надо перестраивать быт.

* * *

Днями-днями писали, что каждый дом должен стать «коммунистической крепостью».

Домам по Хавско-Шаболовскому переулочку далеко до высокого [звания «коммунистических крепостей»].

Здесь воспитание живущих, борьба за новый быт, борьба с засильем вещей носит внеплановый характер. Дома огромны, корпуса светлы и просторны, но порядка в них нет.

Налет легкой кавалерии подтвердил, что в домах по Хавско-Шаболовскому

Во дворе.

переулочку тишь да гладь, да обломовская благодать.

Гаведчики пролетарского контроля рассматривали по корпусам, заносили на

буंगा факты, которые сигнализируют о прорыве классовых врагов в рабочие дома, олицанивших, получивших квартиры, о скуке, о забвении интересов пролетарской части домов.

Из десяти тысяч живущих в домах только ничтожное количество охвачено организаторами домов, а остальные предоставлены самим себе.

Лето—чужднейшее время для работы с жильцами—пропало.

Котловни домов в сумерки сумрачны. Редкие фонари скупо освещают дворы. И только волье стен, под окнами, сидят жильцы и шопотом беседуют между собой.

Где-то приликает гармонь, кто-то громко засмеялся и от собственного смеха, святотатственно провучавшего в темноте, смолк.

Скука, сплетня и нелепый слух свели здесь крепкое место.

Людей из квартир гонит свойственная людям общительность. И захватив с собой скамьи, табуретки и стулья, они, рассаживаясь волье стен, смотрят на двор, еще небурный, неглаженный, на пустырь, который мог бы стать культурным местом.

Когда вечера были так чудесны, можно было сумрачные котловни дворов сделать местом радостного отдыха. Но ничего не было сделано.

Старый рабочий обходит со мной многочисленные дворы громадного дома и по-хозяйски фантазирует:

— Здесь я бы поставил столбы для волейбола, отвел место для горожков и крокетов. Вот в этом дворе стоит смастерить несколько беседок-читалок. На воздухе приятно почитать, поиграть в шахматы, шашки, подымять папироской. В третьем дворе установил бы громкоговоритель. Пусть честной народ слушает по радио доклады, музыку, песни.

Мой спутник фантазировал в пределах возможного, но это возможно могут сделать сами жильцы, если захотят.

— Нужны толкачи. Молодежь наша не интересуется домом. К квартирам повзросели дорожки.

— Ни менотдел, ни комсомол, ни одна живая душа не интересуется работой в домах,—продолжал свой умный и печальный рассказ старый рабочий.—Есть охотники поработать в домах, но боятся эти люди, что их засмеют, что в ячейке работу на дому не посчитают за нагрузку. Здесь можно развернуть большую работу, и ее необходимо развернуть. Люди хотят жить осмысленно, а не только спать.

Этот человек, познавший ужас старой рабочей казармы, хлебнувший горькую печали, говорил о работе в домах с болью, с грустью одинокого энтузиаста.

Его план был реален, как египетская тьма жаркой ночи, как щербень, о который мы спотыкались.

Таких, как мой спутник, в доме наберется добрых два—три десятка.

И по закону тяготения они должны встретиться, чтобы договориться о политической работе в домах, об охвате рабочих, работниц, домохозяйек, молодежи и детей.

Крехоборческая культурническая работа снижает всю важность, необходимость быстрой перестройки. Надо бить по системе, бить по досадным мелочам. Но самое важное—всю работу необходи-

мо подчинить главному, первостепенному заданию нашей эпохи—социалистической перелке человека не только на работе, но и в быту, всюду. Делать это надо не назойливо, а мастерски, отменно тонко и умно.

Чехов писал, что он из себя по каллям выдавливал раба.

Выдавливать раба из себя—задача каждого из нас.

Мой спутник осознал это. Его план в пределах домов по Хавско-Шаболовскому переулку схож с планом реконструкции фабрики, на которой он работает.

Один план дополняет другой.

Поглаживая обкуренные усы, командир бытовой перестройки, энтузиаст-культурармец словно наносил на карту условные знаки будущих сражений за культуру, за лучшую жизнь, не смягченную светлой и страшной бутылкой водки, замусоленной от азарта колодой карт, громоздкими вещами.

Он говорил убежденно, говорил, как верующий, о жизни, полной «легкости».

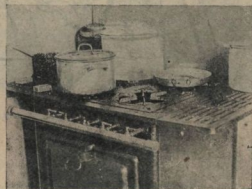
— Если мы ладно поработаем и с успехом, дорогой товарищ, это будет хорошее вступление в социализм этой машины,—и он рукой указал на потемневшие в ночи корпуса домов.

Проводив до ворот, он крепко схватил мою руку и объяснил, как мне кратчайшим путем дойти до трамвайной остановки.

Радиобашня высилась в темноте.

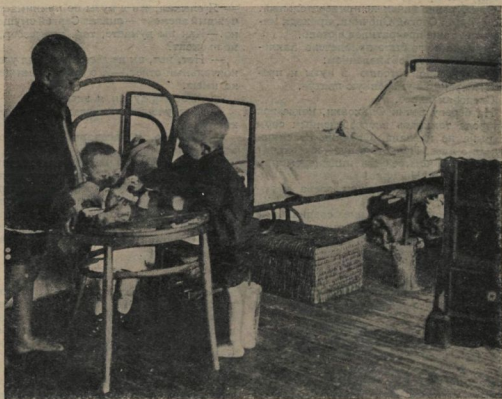

Лицевой фасад нового дома.

Газовая плита взамен копоти и грязи примусов.

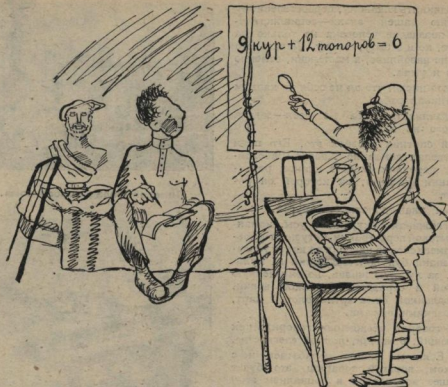
Переулок заспан и только скрижет трамваев, звонки, вагоновожатых, как разговор во время сна, нарушали покой рабочей окраины.

Детишки освоились в новом доме.

В следующем номере нашего журнала будет напечатано:

«Свадьба»—В. Дмитриев. «Буква эр»—С. Кирсанов. «Высомол»—М. Сенин. «Рибчик»—Днепропетровский. «Как создается дружба»—Вл. Суханов. «День Левушки Ломова»—М. Штигельман. «Энтузиасты... сливок»—М. Носовский и мног. др.

КРУГОВОРОТ ЗНАНИЙ

Рассказ И. ОНСТОН

В МАЛЕНЬКОМ провинциальном городке С-ке, на перекрестке двух центральных улиц, стоит телеграфный столб, выкрашенный, еще в довоенное время, в голубую краску.

Столб ровно ничем не примечательный. Но сегодня Сергей Опочкин, проходя мимо него, тоже превратился в столб.

Внимание его было привлечено наклеенным на столбе объявлением:

«Специально готовлю в вузы и прочие медреса за умеренную плату».

Следовал адрес.

На берегу реки Ольховки, когда вся природа томилась полюбленным оном и рыба не клевалась, Опочкин от скуки думал о вузе. Попасть в вуз—это значит года через четыре быть инженером или профессором. Неудро!о!

Вспомнились Опочкину слова двоюродной сестры:

— В Москве есть такие специальные курсы, откуда любой неграмотный через год попадает в вуз.

Не раз уже Опочкин говорил с матерью об этих курсах. Но мать и слышать не хочет. «Москва»,—говорит,—нам не по карману. Вот если бы такие курсы в С-ке были,—тогда другое дело». И вдруг это объявление!..

Смотав удочки после неудачноголова, Опочкин опять очутился у телеграфного столба с соблазнительным объявлением. А через минуту он уже стучался в двери синего домика на улице Шопена. Отворила Опочкину запертая хозяйка. Ее новый жилец оказался дома.

Человек средних лет, длинноволосый, в синих очках, олицетворявший мудрость этого мира, несколько мгновений молча глядел на Опочкина. Наконец, он заговорил:

— Так, так... А какую школу вы окончили, молодой человек?

— То-то, что никак-то не окончил,—вздыхнул Опочкин.

— Впрочем, это не имеет значения,—успокоил его бывший профессор (так

отреккомендовался Опочкину новый жилец синего домика).

Потом его заинтересовало материальное положение мамаш Опочкина. Мамашей он остался доволен.

— Я слышал, что в вузы не принимается чуждый элемент,—сказал Сергей смущенно.—Как вы думаете, тов. профессор, я не элемент?

— Нет, нет, вы не элемент,—был успокоительный ответ.—Я с элементами дела не имею.

— А выдержу ли я экзамен?

— Мои ученики никогда не проваливаются.

— Хорошо, я поговорю с матерью и зайду опять к вам.

Сомнения матери насчет способностей Сергея были велики, и потому уломать ее было нелегко. К счастью, помог дядя. Он был сторонником высшего образования.

— Чем болтаться без дела и ловить ершей, лучше поступить в университет. Может, действительно, из Сергея выйдет человек выдвлет.

Желающих брать уроки у бывшего профессора в С-ке оказалось четверо. Бывший профессор посетовал на темный и невежественный городок и начал занятия. Но нехватало учебников. Опочкин раздобыл где-то три книги: «Основы зубо-врачебного искусства», «Этимологию Сириновского» и «Таблицы логарифмов».

Бывший профессор внимательно рассмотрел книги.

— Вот эта книга, кажется, ни к чему,—заметил Опочкин, указывая на «Основы зубо-врачебного искусства».

— Напротив, это очень полезная книга возраил учитель.—Если вы провалитесь в вуз, то можете поступить в зубные врач.

— И как бы испугавшись своих слов, точно же прибавил:—Но провалиться вы ни в коем случае не можете. За это я ручаюсь.

— А какие еще нужны книги?

— Дело не в книгах. Вы будете записывать в тетрадку все, что я вам скажу. Как? В инженерный вуз? И отлично. Мы подождем на математку и оптику.

Бывший профессор диктовал, а Сергей старательно записывал.

Положенного часа исказтало, пришлось укладывать уроки. За это бывший профессор стал получать от Сергеевны мамы обед.

— Как учился мой сын?—интересовалась мамаша.

— У него огромные способности. Экзамен он выдержит, несомненно.

В свободное от уроков время Опочкин попрежнему ходил на реку ловить ершей. Иногда к нему присоединялся бывший профессор. Если ерши не клевались, бывший профессор слегка экзаменовал Сергея из проливного. А перед самым отъездом Опочкина в Москву была оделана серьезная проверка его знаний.

— Все го важнее при поступлении политграмота,—сказал бывший профессор и начал проверку с этого предмета.

— Кто был первым председателем государственной думы?

— Суворов.

— А кто такой был генерал Галифе?

— Это был генерал, который...

— Ну?

— Генерал...

— Генерал, который носил брюки галифе. Ведь, это же так легко запомнить. А кем был разбит на Украине Петлюра?

— Гоголем.

— Хорошо. А теперь прозаклеменую вас по зоологии. Где у земли полозья?

— Один ползос на северном полюсе, другой на южном.

— Что вы знаете о сеченных конусах?

— Конусы сekli... во время крепостного права.

— Нет, тогда полушария сekli. А конусы теперь секут—в математике. Запомните: сечением конуса называется рассеяние шара на несколько треугольников по касательной, проведенной параллельно под углом в 40 градусов.

Повторите.

— Сечение параллельно под углом в 40 градусов тепла.

— Почему тепла? И при морозе тоже.

— И при морозе тоже.

После этой проверки бывший профессор говорил Сергеевны мамаше:

— Ваш сын прекрасно подготовлен. Отправляйте его на экзамен без всяких сомнений.

И в один серый осенний день Сергей Опочкин, напутственным пожеланиями близких, уехал в Москву. Бывший профессор уехал из С-ка за два дня до возвращения своего ученика.

Наука не пропала для Опочкина даром. Правда, он не попал в вуз. Но его умственный горизонт значительно расширился.

Несколько лет спустя, когда ерши в Ольховке окончательно прекратили клев, а у Сергея Опочкина начала пробиваться борода, он перебрался на житьелью к тетке в соседний город и там решил применить на практике полученные знания.

В центральной части города на телеграфном столбе появилось его объявление:

«Специально готовлю в вузы и медреса, а также по оптике и извлеканию геометрических корней за умеренную плату».

Продолжение—см. начало рассказа.

Еще не так давно, в 80-х годах прошлого столетия, известный французский романист Жюль Верн, автор многочисленных приключенческих повестей и романов, в своей знаменитой утопической книге «Вокруг света за 80 дней», Жюль Верн читая роман достоятельного писателя, несколько посплысывая над автором, принимает его за чудака.

Но вот прошло некое время, всего несколько десятилетий назад, и теперь мы начинаем шаг за шагом войти в область и в частности, в область транспорта всевозможных видов. Жюль Верн угадал все основные этапы этого неутомимого французского выдумщика представляются теперь смешаннато-старинными.

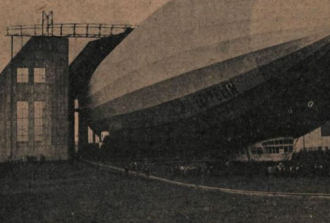
В 1929 г. предприимчивые немцы сумели доказать всему миру, что в пространстве нашей планеты можно справиться не только на маю, но и на сушу.

В начале августа этого года германский дирижабль «Граф Цеппелин» отправился в первый рейс вокруг света. Этот дирижабль, как известно, в будущем году совершит большой арктический полет не только с целью исследования Северного полюса и в радиусе действия его неужно района, но и с целью обследования нового воздушного Северного пути. Таким образом, кругосветный полет, первый в своем роде, еще как бы ретичен и в будущем, еще более серьезному, «воздушному» спектаклю.

Однако, и тепперый дирижабль несма цены и интерес. Несмотря в течение все десяти лет полета «воздушного немца» большинство людей с наивероятнейшим вниманием следят за его передвижением.

Первый этап перелета начался 9 августа, когда дирижабль вылетел из Нью-Йорка в Берлин, вернее во Фридрихсгафен—большой аэропорт около Боденского озера в Германии. Этот путь «Цепелин» совершил через Атлантику океан, делая, в среднем 136—139 км в час при несколько попутном ветре. Дирижабль был не страшны ни бури, ни шторм в воздухе, ни те бурные штормы, ни туманы, ни на ночное время. Воздушный корабль тридцатипятилетний путь, который по воде большие океанские суда проходят в течение 14 дней, помыл всего-навсего в трое с небольшим суток.

Во Фридрихсгафене дирижабль сделал краткую передышку. Здесь были вынаты большие запахи нефти, горячего, различного груза на борту корабля было много пассажиров, проводы, включая сюда и представители СССР—геологи, тур. Каридаи. Тут были различные ученые, представители различных ведомств иностранных командий—иранцы, немцы, американцы и пр. Кроме людей, на дирижабль на

Перед пробным полетом.

ходилась пара маленьких аллигатор (броноды) и бегемот, которых доктор Эбергер—командир корабля—вел в подарок Тонкинскому бассейну.

15 августа в 4 час. 35 мин. утра «Цепелин» вылетел из Фридрихсгафена через Германию в СССР в Токио. Путь этот, по заявлениям самого же Цепелина, считается весьма трудным и титаническим. В интервью, данным командиром дирижабль американскому корреспонденту, было заявлено, что «лететь над Сибирью—это весьма мало исследованной местностью, с точки зрения метеорологических установлений района—зачаста весьма серьезная и ответственная». И все же, несмотря на это, дирижабль улетит противably только этот транссибирский путь. Правда, в этом деле немалому кораблю не малую службу сослужили наши советские метеорологи и радисты, два раза в день передавая сведения по радио непосредственно на «Цепелин». В течение 2 1/2 суток дирижабль пролетал над советской территорией, выйдя под собой необычайно тайну, другие непроходимые леса Сибири, делая, в среднем, 130—136 км в час.

Минувая нашу землю, дирижабль 19 августа на рассвете опустился в Тонкин—столцие Индонии. Таким образом, уже на этом участке дирижабль понесал свой огромный приспособленность и происхождение подобного, весьма трудного, пути. Перелет над Сибирью показателю отправил все предположения, и в свое время высказанные комсией Н. П. Горбунова о пригодности такой системы воздушных кораблей, как дирижабль, для совершения воздушных регулярных полетов—наиболееисчерпывающих через великий транссибирский путь. И исключало те времена, когда через Советский Союз будут реить десанта, а монет быть, и сотни воздушных кораблей, подобных «Цепелину», перевозят пассажиров из Европы в Америку и на обратный путь—5—6 дней. Оказалось, что этот путь является весьма удобным и скорым, почти лишены всякой неожиданностей.

Когда минуется эти строны, дирижабль остановится в последнем пункте отправления—на Токио—перелетит в Нью-Йорк через Тихий океан. Этот путь, протяженность которого 4 1/2 тысячи км еще ни разу не был пройден на дирижабле.

Буд. Суз.

ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ

Под редакцией В. А. Пляста

ПРЕМИИ ПО ВТОРОМУ КОНКУРСУ БУРИМЭ

Ввиду малого количества присланных ответов, в поощрение авторов, отошедших на наш призыв, мы при почесте призываем во внимание пошлывший нам себя голые, а равно присоединив и суммарнонародный списку и голос редактора отдела. Вот выписку последнего. Трудно отдать предпочтение которому-нибудь из трех стихотворений, впечатлениях которых комарам: I. XI и X и X. Указываем на них все-таки I—«Мой буримэ». VI—«В ресторане, или достояние выше XI («30-36 комарам)», лишь исследовать в нем очевидное расширение слова чешель. Эти три стихотворения лишь значительно выделяются из всех остальных, на которых мы задерживаем внимание, поскольку в классических рифмах—очень гладко, но и «расуедины по поводу рифмы всегда в буримэ указывается легче, другое, в котором считается «шестьм автором. Впрочем, надо признать, что в данном случае автор написал неестественно остроумное стихотворение, что оно могло бы существовать и как самостоятельное вещь, а не «буримэ». Остроумно и «Не в свои сани», однако, не «выдержано по стилю». «Философия» лучше, чем рассуждения этой темы. Список остальных редактор предпочтает такой, где входи в детально оценку стихов, за неимением места: 7. II, 11, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, IX—V, 12—XIII, 13—14, XVII, 15—VIII. Если за нами можно поставить не выдержанная на неестественность и неинтересная «Миновое» (деиза «Хотя и не поют, но...») и «Чайгар», а также «Нюга Сарыи» (в коньяке, автор «Знамя»). «Знамя» представляется нами приятным главному и «пыльчато мятелью так и не исправив своего «ослепления». Если после подсчета очков по изложенной принципам выписки, то первую премию получает буримэ «Мой буримэ», деиза «34 вынута», вторая, поощряемая, «Знамя» («Сод-демократ», деиза «Отделю» (37 отна), третья—«В ресторане», деиза «Анчар» (54);

четвертую и пятую пошлыв «Я в классе, рифмично и «Рифма обмануть» (по 47 очков), пошлывито, что оба эти буримэ принадлежат одному автору. Далее идут: «Юность». В. J. (50); «Мой сав» (54); «Насе прохитить» (56); «Зима» (Анчар) (57); «Белая Илья» (59).

На последних листах «Не в свои сани не садись» (66), «Филон» (70), «Рашини Пушпине» (73), «Кучуна» (74) и «Безпризорный» (81).

ГОДОВОЙ КОНКУРС РИФМ

(Оночание первого полугодия)

Из 50 полученных любительных поэзии печатаем следующие: «Рельсы—рельсы» (ер. у Рыбакова, а также у Николая—«Земля, 1928, 22 июня»), «Вчера—голова» (персыйский—«Серебряный»). «Барбюсс—борьба то же, етоты—ВИШК» (ер. у Карачивева), «Генза—пензала», «деиза—деиза» (персыйский—«Генза—деиза»), «Барзун—дам су», «на площадки—пошлать», «Ибсен—ошибки», «Новый труд—знают труд», «Воронин—сторю шил», «Зульфяи—да вот нам», «Горин—горит—горит—ГОРКИ» (руб от РКИ), «скалр—АХР», «янт—ант-то», «Марк Твен—портвейн», «приятв—приятв», «орган—Мортал», «инструция—пространство», «не уехала—МСПО», «Синир—сей клим» (дисциплина), «веселье—все остое», «Хотят—портит», «аманг—аманг».

Из 35 рифм меситопольных жителей П. Пинагоро и П. Ривия берем таинце: «Моуиунст—кому нит», «малый—I трид та», «таду ли—подул», «возианг—в разрезе я», «пыльчак—по пыли саше», «вольна—директив», «зобот ещ», «пробуешь», «ступилиша—нуст ступу я», «юионс—66 болз кини», «Денца—на колени нам», «техника—тех нилас», (ер. у «Итукиши», «эртуи—эртуи», «на Ураде—на ура ли», «ВЭП—вше петь», «ишме—да-Яинч» (ер. у Рыбакова), «зобот ещ», «пробуешь», «ступилишальность—моментально стих», «радуясь—градуясь», «золотом—золотом», «два лица—

валицы» (ер. у в. С. Берендова), на книги «Доктор ночь», «могилы—с моего лице».

У в. Заболотского из города Слободского: «всегда—всехт дед», «ночелью—пона ленью», «янт—янтит», «решость—метелью», «пыта—киталь», «естей—стелит», «эртуи—эртуи», «ВЭП—I уе!» (ер. у Карачивева), «гормо—ирона», «анатомия—на том—I» (антоном—пономом), «катаванка—ката Васо я», «молокита—около кифы...» И в числе неважых у него наши рифмы: «дети—дети», «сын—сын», «сея—даш», и дазе «ярская—презрелая».

Под деизом «ТОЧКА ВОНЕ» присланы: «дочка—девчатка», «граммат—граммат», «корона—пирамида», «обменелист—обмангашель», «метис—метис(?)—метель», «за на ре—форвар», «фору дам—борда», «АД—дид», «отехоний—трехоний», «контретин—он вертит», «чепчик—шечеч», «ше метены—Пометичны», «на натию истрата—Пашати Пестрица».

Из рифм М. Корина («Земля» берем: «эплатничка—рифмичность», «Остальные или очень далеки» (пробуешь—моуиунст) или не ноня («плитст—кряш»). Под деизом «В ПОЛУ РЕМЬТА» на первую же «авантю» рифмов считать нежелательно, «получено—голушечко», «барстали—за сталью», присланы лишь парадоксальнейшие «авантю»: «эплатничка—эплатничка» («капитан» берем: «авантю—авантю», «авантю—авантю» (эплатничка—эплатничка), «авантю—авантю» (эплатничка—эплатничка) «авантю—авантю» (эплатничка—эплатничка).

Под деизом «В ПОЛУ РЕМЬТА» на первую же «авантю» рифмов считать нежелательно, «получено—голушечко», «барстали—за сталью», присланы лишь парадоксальнейшие «авантю»: «эплатничка—эплатничка» («капитан» берем: «авантю—авантю», «авантю—авантю» (эплатничка—эплатничка), «авантю—авантю» (эплатничка—эплатничка) «авантю—авантю» (эплатничка—эплатничка) «авантю—авантю» (эплатничка—эплатничка).

СИНТЕЗИСТЫ

Это очень занимательная игра, тренирующая и учащихся умение конструировать из частей целое. Особенно она интересна тем, что конструировать можно из представленного по распорядку игрового материала. В данной игре это умение тренируется на бумажках, из которых нужно составить слова. Это умение очень важно в учебной работе и производственной. Название свое игра получила от слова «Синтез», что означает — из частей составить целое.

Одновременно в игре может принять участие до тридцати — сорока человек. Доступна эта игра учащимся с различным культурным уровнем и подготовкой. Победителями в игре обычно выходят учащиеся наиболее сообразительные и способные к конструированию.

Проводить эту игру хорошо на вечеринках, клубных вечерах и дома, в компании.

ИНВЕНТАРЬ ДЛЯ ИГРЫ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ в листах бумаги и карандашах по числу участников.

№ 25. Задача (В. ПОЛЯНОВА Ярославль)

Решение построено на отщипывании букв, начиная от одной из них.

ПРАВИЛА ИГРЫ

1) По ирребию или по названию один из играющих назначает «руководителя», а остальные играющие — «синтезистами».

2) «Руководитель» должен придумать какое-либо слово и буквы его переставить так, чтобы получилось наиболее непонятное слово, давнее очертание, давнее название, представление о своем первоначальном значении.

3) Слово обязательно должно быть простым, понятным и известным всем участникам.

4) Заранее устанавливается так минимум букв в слове, так и максимум. Обычно определяется минимум в 5 букв, а максимум — в 10.

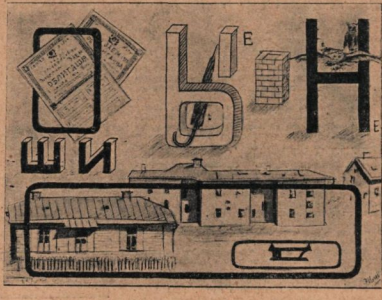
5) Приводим примеры из практики. «Руководитель» придумал следующее слово, которое он объявил по буквам:

«ВСОМОА»

6) Все «синтезисты» его записывают на своих листах бумаги и стараются сделать следующее: во-первых, определить, кое слово означает весь набор букв; во-вторых, придумать новые слова, в которые бы входили все указанные буквы и, в-третьих, написать наибольшее число самостоятельных слов, составленных из данных букв.

7) Оценка решений данного набора слов производится следующим образом: а) за первое слово, содержащее все указанные буквы, дается ТРИ очка; б) за каждое следующее слово, содержащее все указанные буквы, дается по ШЕСТИ очков; в) за каждое слово, составленное из части указанных букв дается ОДИН очко.

8) До тех пор, пока не составлено первое слово, содержащее все указанные буквы, нельзя

составлять слова из части букв. За них очка не засчитываются.

9) Вообразимся к примеру, взятому из практики. Один из участников игры решил его следующим образом: 1) МОСКИА, 2) РОМ-СА, 3) БОКС, 4) БОКС, 5) КИАС, 6) КОСА, 7) СОВА, 8) ОМСК, 9) КОСМА, 10) ОСА, 11) СОМ, 12) СОК, 13) РОМ, 14) ОНА, 15) МАК, 16) К.С.М., 17) С.К. Возможно, что при более изобретательном участнике игры можно придумать еще новые слова из этих букв.

10) Составленный слово является «руководителем» и в данном кругу не участвует, а лишь записывает очко.

11) Выигрывает игру набравший большее количество очков за все круги.

12) Игра кончается, когда все участники были по разу «руководителями».

Самсон Глазев

Ответственный редактор С. КОМРАД
Зав. ред. Б. Лукин.

ВСЕУКРАИНСКАЯ КОНТОРА АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА „СОЮЗХЛЕБ“

по заготовке, переработке и экспорту хлебопродуктов.
Харьков, Горниловский пер., № 8.

РАЙОНКОРТЫ: Харьков, Киев, Полтава, Одесса, Николаев, Мелитополь, Днепрпетровск, Мариуполь, Артемовск, Сталино и Винница.

ПРОИЗВОДИТ ОПЕРАЦИИ:

1. По заготовке на ссыпках, мельницах и элеваторах разных зернохлебов.
2. По переработке разных хлебных культур на больших мельницах, крупнороссурицких, принимаемая в переработку зерно от организаций и отдельных селян.
3. По просушке кукурузы. Приемку в просушку кукурузы от кооперации и отдельных крестьян на сушилки и элеваторы.
4. По контрактации. Контрактует зернохлеб озимый, яровой и покупает хлеб на корню.
5. По сбору мерчука. Собирает мерчук от всех механизированных мельниц, малянических заводов и ветряков.
6. По снабжению. Снабжает мукомольной продукцией, а также зерном все промышленные центры и большие города.

УКРАИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТРЕСТ ПО ТОРГОВЛЕ, ЭКСПОРТУ И ПЕРЕРАБОТКЕ МЯСОПРОДУКТОВ „УКРМЯСОТРЕСТ“

Управление — г. Харьков, ул. Мельникова, № 12.

Конторы — Артемовск, Днепрпетровск, Киев, Луганск, Одесса, Ростов, Сталино и Харьков.

Представительства — в Москве и Ленинграде.

Производит: покупки и продажу живого крупного скота, овец, свиней и мясопродуктов, убой скота, переработку мясных продуктов, выработку колбасных изделий и бокона, а также замораживание и хранение скоропортящихся продуктов.

ВСЕУКРАИНСКОЕ ПАЕВОЕ СТРОИТЕЛЬНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „УКРПАЙСТРОЙ“

Основной капитал — 1 миллион рублей.

Правление находится в г. Харькове, ул. Свободной Академии, Старый пассаж, № 20, телефоны: 56-51, 48-60, 24-07.

Постоянные районные конторы: Харьков, Киев, Луганск, Запорожье, Сталино, Мариуполь, Артемовск, Сумы, Кривой Рог.

Отдельные пункты работ: Славянский, в Днепрпетровском и Херсонском округах, представительства в Одессе.

Телеграфный адрес: веде «Укрпайстрой» в Одессе «Пайстрой»

Производит на Украине работы непромышленного характера по договорам с окрисполкомами, горсоветами и советами.